

63.3(2P37)
A50
442271A

Карельская Республика
Областная
Библиотека
Депозитарии

3334

ИЗ
К. 2419
АУОЛ.

УМАР АЛИЕВ

„КАРА-ХАЛК“

(КАРАХАЛК-ЧЕРНЫЙ НАРОД)

ОЧЕРК
ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

СЕВКАВКНИГА
КРАЙНАЦИЗДАТ
РОСТОВ 1927.

ПРОМ
ОГРОФ
ВНЕ
ИТЕ
33/5
1894 С
Киропавлов-Черкесская
1927

~~3337~~

К. 2442
АУОЛ.

16

УМАР АЛИЕВ

~~ИЛЭ
К-2442~~

КАРА-ХАЛК

(„КАРАХАЛК“ — ЧЕРНЫЙ НАРОД)

О Ч Е Р К

ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
И ЧУЖЕЗЕМНОГО ВЛИЯНИЯ НА
НИХ ИСЛАМА, ЦАРИЗМА И ПР.

1544

КНИС

СЕВКАВКНИГА — КРАЙНАЦИЗДАТ
РОСТОВ н-Д. 1927

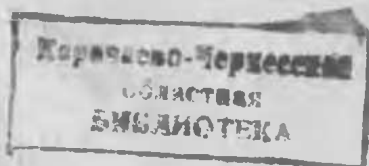
Пров-нш
1988-08

Карачаево-Черкесская
область
Библиотека
ДЕПОЗИТ РИЯ

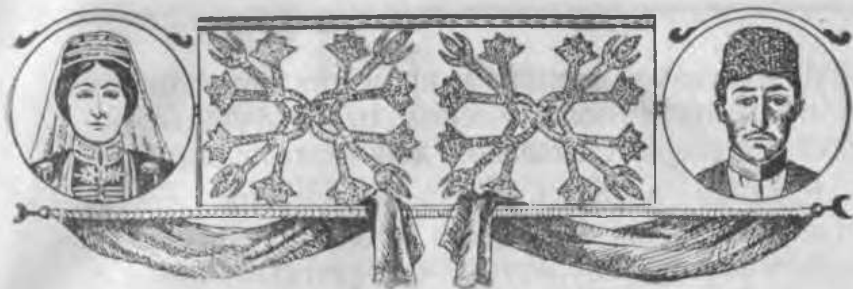
442271 -Д

Изд. № 441

Первая Государственная Типография Донполиграфбума в Ростове на Дону.
крайлит № 5. Заказ № 2111. Тираж 2000.

ОЧЕРК ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРЦЕВ КAVKAZA И ЧУЖЕЗЕМНОГО ВЛИЯНИЯ НА НИХ (ИСЛАМА, ЦАРИЗМА И ПР.).

„Трудность работы (в нацобластях) в настоящее время объясняется еще и тем, что рост и развитие национальных областей сопровождается своеобразным переплетением процессов расслоения крестьянства и обострения классовой борьбы с наличием довольно сильных остатков сословно-родовой и национальной розни, а также и с традициями глубокой старины.

Пестрота хозяйственных форм, разные ступени культурности и грамотности, совершенно неодинаковое влияние религии и патриархально-родовых связей в отдельных национальных областях и внутри каждой области требуют более конкретного подхода к задачам строительства каждой отдельной Автономной Области“.

„Имея в виду особо важное значение для практической работы в нацобластях вопроса о сословно-родовой и национальной розни, а также и процесса классового расслоения национальной деревни и исходя из наличия черт, возникающих в некоторых кругах местных парторганизаций в силу переплетения сословно-родовых и классовых противоречий—поручить Президиуму Нац. Комиссии включить в план своей работы изучение социально-родовых и национальных отношений и процессов классового расслоения, с перенесением этого вопроса на обсуждение Пленума Нац. Комиссии“.

(Из постановления Пленума Нацкомиссии Крайкома, февраль 26 г.).

Вопрос о процессе общественно-исторического развития горцев и степени чужеземного влияния

на них (ислама, царизма и проч.) является одним из важнейших политических и культурных вопросов Северо-Кавказской действительности.

Едва-ли найдется на земном шаре другая страна, которая бы играла столь значительную роль в истории культуры человечества, как Северный Кавказ. Это и родина населяющих Европу и Америку людей кавказско-арийской расы. Это и мост, по которому на протяжении тысячи лет, одна за другой, катились волны великих переселений народов. Результатом этого переселения явились этнические остатки, замкнутые в отдельных ущельях Кавказа, сохранившие во многом свои специфические условия, обычаи, быт, культуру до нашего времени.

Тов. Микоян говорил: „Вряд-ли во всем мире есть такой мозаичный кусок в отношении национального состава, быта и культуры, как Северный Кавказ“.

Русская изящная литература (Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой, Марлинский-Бестужев) не знает в целом кавказских горцев, как широкие народные массы. Она охватила одни аристократические верхушки и то немногих отдельных народов (Кабардинцев, Черкесов). Идеализируя представления, она дает картину быта культурно-общественного строя, который не всегда совпадает с действительностью.

Между тем кавказская действительность весьма сложна: здесь причудливо сплетаются народы индо-иранского происхождения (осетины); народности

монгольско - тюркские (карач., балк., ногайцы), так называемой кавказской расы (черкесы, кабардинцы) и каждая из этих народностей имеет разнородную и свою особую культуру и быт.

Кроме того, в античную эпоху с запада на Кавказское побережье Черного моря явились высоко культурные колонизаторы—греки, имевшие сильное культурное влияние на западных горцев (черкесов, кабардинцев) и в позднейшей стадии Византизма распространилось и христианство. Затем позднее, в средневековье, в восточной части Кавказа чувствовалось влияние исламского фанатизма. На ряду с этим, в среднем Кавказе еще на долгое время сохранились народы (карач., балк. и осетины), совершенно изолированные от этих влияний, сохранившие в себе до не так давнего времени языческую религию и культ предков.

Разумеется, всех этих народов не коснулось в одинаковой степени историческое развитие. Каждый из этих народов имел свои пути приобщения к культуре, свои особенности общественного генезиса.

Поэтому историческое развитие кавказских народов должно быть изучено каждое отдельно и, в зависимости от этого, должны определяться практические выводы.

Характерны в этом отношении слова тов. Микояна: „Очень трудно разобраться во всех этих горских делах... потому, что и мы, работающие

там (на Кавказе), с трудом разбираемся в виду существующей там невероятной путаницы¹⁾“.

Но освещение этого вопроса тем более настоятельно необходимо, что оно освещается иногда отдельными местными работниками чрезвычайно разнообразно и не всегда соответствует в действительности и существу исторического развития и классовому соотношению данного народа и задачам политики партии (ленинизма), что, конечно, может вредно отозваться на деле советско-культурного строительства на Северном Кавказе вообще и в автономных образованиях — в частности.

Не даром т. Сталин сказал: „что обязательно нужно принять во внимание те особенности экономического состояния классовой культуры и исторического прошлого, которые мы застали на окраинах“. Поэтому то изучение культурного и экономического прошлого и даст обоснование твердому культурному и экономическому настоящему.

Наша партия ВКП(б) при определении своей политики по отношению к культурно-отсталым национальностям всегда учитывала на какой ступени исторического развития стоит данная нация, хотя „у нас (горцев) племена, а не нации. Советская власть помогает оформиться отдельным племенам, как нациям“ (Микоян).

„В вопросе о том, кто является носителем воли нации...., ВКП(б) стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на

¹⁾ Стенограмма фракции X съезда Советов.

какой ступени ее исторического развития стоит данная нация, на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.“¹⁾.

О ступенях исторического развития горцев.

Некоторые местные работники, говоря о ступенях исторического развития горцев, утверждают, что „патриархально-родовой строй давно потерял свой первородный вид“ среди всех горских народов и результатом этого явилось вовлечение горцев в сферу влияния русского капитализма“; что русский капитализм также нашел с горским народом общий язык, что экономика горцев стала разделять во всем судьбу русского капитализма, как его колониальный придаток; что капитализм „развратил“ родовой строй (курсив наш). Свои мнения они пытаются обосновать выражениями Ильича, что „господин купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея“. (Гл. Успенский. Ленин).

А некоторые видят, например, в полукочевом скотоводческом народе Карачая развитое феодальное общество со всеми пережитками феодализма, по примеру Кабарды и Черкесии, далеко ушедших по своему историческому развитию от всех горских народов; в так называемом сословии „кара-кши“ (кара-уздэн), составляю-

¹⁾ Постановление X съезда РКП (б).

щем 80 с лишним % всего населения Карачая, они видят подобие русского помещичьего дворянства, составлявшего около 1% и владевшего таким же количеством земли, как и 99% всего русского крестьянства.

Суть современных лозунгов „лицом к деревне“, „смычка рабочих с крестьянством“ и, наконец, крестьянский резерв пролетарской революции понимается ими в Карачаевской действительности в опоре и принятии за крестьянский резерв и поворачивании лицом к так называемому сословию „кулы“ (их около 16% в Карачае), бывшим до освобождения в 1863 г. зависимыми сословиями и образовавшимися не из аборигенов Карачая, а значительно позже из военно-пленных, приобретенных куплей, обменом и др., при чем независимо от их (кулов) классового и имущественного состояния в настоящий момент.

Нельзя ведь слова Ильича: „Господин купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея“—понимать в том смысле, что горцы (кавказцы), все без исключения, стали разделять во всем судьбу русского капитализма. Речь идет, ведь, не о горцах в узком понятии, а о кавказцах в целом и о развитии в них капитализма с их бакинской нефтью и т. д. Этого нельзя забывать. „Баку вырос не из недр Азербайджана, а надстроен сверху усилиями Нобеля, Ротшильда, Бишау и др. Что касается самого Азербайджана, то он является страной самых отсталых патриархально-феодальных отношений“ (Сталин).

Точно также нельзя наличием в Большом Карачае серебро-свинцовых рудников когда-то с тысячами рабочих и проникновением туда представителей торгового капитала почти исключительно грузин и евреев (в представлении карачаевца торговля не скотом унизительная профессия), определять степень развития карачаевского народа, ведущего полукочевое скотоводческое хозяйство, как степень развития промышленного или торгового.

Не забудем, что Ильич, отмечая, что Советская власть была проверена на практике и в промышленном и пролетарском Петрограде... говорит далее... „и в условиях“ сплошного национального быта на Востоке, где еще крепки патриархальные и патриархально-родовые связи в Киргизистане, Башкирии, Туркестане и Азербайджане ¹⁾).

Если в Азербайджане еще крепки патриархально-родовые связи, то в каком они положении у горцев?

Десятый съезд ВКП(б), определяя тактику партии по национальному вопросу и дифференцируя историческое развитие национальностей в СССР, констатирует, что: „если из 65 мил. невеликорусского населения исключить Украину, Белоруссию, часть Азербайджана, Армению, прошедших в той или иной степени период промышленного капитализма, то остается около 30 миллионов, по преимуществу, тюрского населения (Туркестан. Большая часть Азербайджана. Дагестан, **горцы**,

¹⁾ Стенографич. отчет X съезда РКП (б). Ленин „Детская болезнь“ „Левизна в коммунизме“ 1920 г.

татары, башкиры, киргизы и др.), не успевшего пройти капиталистическое развитие, не имеющего своего промышленного пролетариата, сохранившего в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ. (Курсив наш. У. А.).

Этой резолюцией X съезда ВКП(б) карачаевский народ, в числе некоторых других горцев, причислен к народам „сохранившимся в патриархально-родовом быте“.

Спрашивается, откуда-же в народе, находившемся в патриархально-родовом быте (в Карачае), где сохранилось в подавляющем большинстве, общинное землепользование и полукочевое, скотоводческое хозяйство, может быть помещичье дворянство, являющееся в полном смысле этого слова—продуктом другой эпохи - эпохи феодализма?

Дворянство, как высшее сословие, возникло в России в феодальную эпоху; оно пользовалось особыми льготами и привилегиями со стороны русских самодержцев и некоторые из этих привилегий передавались по наследству. Общая численность дворян достигала до 130.000, что составляло 1% всего населения России. Дворянство в России владело таким же количеством земли, как и 120 миллионов крестьянства. Сообразно значению дворянства и сами Романовы именовали себя первыми дворянами России.

Было-ли подобие русских дворян среди горских народов за исключением кабардинцев и

„Из всех народностей“, говорит известный государствовед и буржуазный социолог Ковалевский, „прибывших в новое время на север Кавказа, прочную оседлость основали только одни кабардинцы. По преданиям черкесов, одно из их племен, по имени Кабарда, оставило в VI веке Геждры,¹⁾ прежнее место жительства на реке Кубани и переселилось на север к Дону, откуда в скором времени перешло в Крым. На морской карте Черного и Средиземного морей, составленной в 1497 г., выставлено красными буквами название кабардинского народа несколько на запад от того места, где ныне стоит Таганрог. В Крыму кабардинцы оставались не долго, в VII столетии от Геждры они снова вернулись на Кавказ и оказались самым сильным племенем на Северном Кавказе, распространившим свое влияние на остальных горцев столетиями непосредственно.

Если мы оглянемся на более отдаленные влияния на горцев и, в частности, на сословную организацию их, мы увидим много своеобразных причин, которые в разное время так или иначе меняли основы этой организации, внося в них чужеземное влияние: религиозное, общественное и юридическое. Какою замкнутостью и консерватизмом не отличается быт отрезанных от мира горцев, но последовательная проповедь зороастризма, христианства и магометанства оставила заметные следы не только на их религиозных верованиях, но и

¹⁾ Мусульманское летоисчисление.

²⁾ М. Ковалевский—Закон и обычай на Кавказе.

на их нравственных представлениях, повседневном складе жизни, обычаях и обрядах, из которых некоторые носят и чисто юридический характер; такое мнение высказывает Ковалевский.

Как ни ничтожна была с другой стороны (говорит он далее) зависимость горцев от плоскостных племен Кавказа, тем не менее сменявшие друг друга вовласть над Черноморским побережьем греко-римские и итальянские колонии, равно как и располагавшие судьбами Закавказья и северо-кавказской плоскости арабские, персидские, грузинские, молгарские, хазарские, татарские, монгольские и кабардинские правители — во многом изменили строй общественной и юридической организации горцев, обогащая в то же время их народные верования и нравы чужеземной по своему источнику культурой и навыками. Сословная организация горцев в частности всецело должна быть отнесена за счет одновременного воздействия на их быт грузинского феодализма и возникшей на северной плоскости, благодаря завоеванию ее пришлым племенем, не менее феодальной по своему характеру организации кабардинцев“

**Феодальные
лестницы вас-
салитета.**

Горские народы Северного Кавказа по своему историческому развитию разделяются приблизительно на две различные группы:

а) народы, находившиеся в патриархально-родовом быте — это ингуши, чеченцы, карачаевцы, балкарцы и др., последние два с зачатками феодальных моментов, но привившимися в скотоводческом хозяйстве в полном смысле этого

слова и при власти патриархально-родового быта,

б) народы, находившиеся в развитом феодальном строе—это черкесы (Адыгея), кабардинцы, ногайцы и т. д.

В зависимости от исторического развития (патриархального или феодального) у этих народов были и разные сословные подразделения, при чем значение одного и того-же слова употребляется у разных народов по разному, так, напр., слово „Уздень“¹⁾.

1544
В Ингушии, Чечне и Южной Осетии слабо наблюдается сословное разделение; почти не было „кулов“, т. е. сословных рабов; при освобождении в 1864 г. их было не более 1—2%; все прочие—уздени—свободное сословие. В Северной Осетии зависимого сословия имелось около 700 душ обоого пола.

Известный марксистский историк М. Н. Покровский говорит,²⁾ что все чеченцы считают себя „узденями“, т. е. свободными, вольными, независимыми, или как они сами выражаются „вольными, как волки“.

¹⁾ Уздень—под этим именем на Кавказе связываются два различных понятия. В Дагестане под узденями разумеется обширное сословие свободных людей, поселян, живших или самостоятельными сельскими общинами, или находившихся в подчинении различных владельцев на правах подданства. В Кабарде под словом У. понимается высшее сословие, происшедшее от древних родовых старейшин племени адыгее (тлокотлеш), с которыми кабардинские князья (пши) вступили в соглашение и признали их права не только на землю, но и на жившее на ней население. Такими узденями являются в Кабарде всего три фамилии—Тамбиевы, Куденетовы и Анзоровы. Впрочем, иногда в Кабарде У. низшего порядка называют уорков. П. Г.

Брокгауз-Ефрон том 68 (стр. 610).

²⁾ Дипломатия и война в царской России в XIX в. М. Н. Покровского.

В Кабарде и Черкесии (Адыгее), которые находились в развитом феодальном строе, было 11—12 сословных разделений; здесь наименование „узденъ“—значилось как сословие белой кости—дворяне, и потому имеет совершенно другое значение этот особый класс, класс помещиков, класс дармеедов.

Самое высшее сословие в Кабарде—„пши“—князь князей, как персидское выражение—„Шахин-Шах“—царь-царей. В Осетии „узденълаг“, то же самое алладир или бадилат, употребляются как обозначение сословий, как „пши“ в Кабарде и как „тауби“ в Карачае и Балкарии и как „бии“ у Кумыки для владельцев—сословия белой кости (аксуек).

В Карачае, Балкарии, Кумыки и др. зачатки сословных разделений появились от позже пришедших элементов—бывших пленных, беглецов, купленных людей и проч.; здесь сословие каракиши или караузденъ имеет значение „карахалк“, т. е. „черный народ“—людей, плативших кабардинским князьям оброк, и всегда являвшихся производственным трудовым классом.

Об „узденях“ в Дагестане Ковалевский говорит: „среднее положение между беками и крепостными людьми заняли люди „свободные“, известные под наименованием „уздени“. Уздени, в большинстве случаев, не имели недвижимой собственности и стояли в поземельной зависимости от беков, на землях которых уздени имели право наследственного пользования, и обязаны были нести взамен однажды установленные обычаем

повинности, а в некоторых селениях, говорит он, они не были избавлены даже от барщинной повинности, отнимавшей три дня в году у каждого двора“.

„Кара - халк“ — **черный народ — основные массы населен. и производительный класс горцев.** Самое многочисленное сословие, образовавшееся из аборигенов Края, и вместе с тем производительный класс, носившее общее имя „кара-халк“ — „черный народ“ представляет „кара-кши“. Это сословие носит в

Чечне и Ингушетии просто название „узденъ“, в Осетии в Дигории — „адамахт“, у Иранцев — „цтагуры“ или „фарсалаги“ в Карачаево-Балкарии — „каракиши“ — (кара-узденъ); в Черкесии (Адыгее) — „тлифокотль“, что означало „свободный народ“. Этот слой носил также название „хурр“ и был зависим почти одинаково у всех горцев от кабардинских князей-сюзеренов или от их вассалов „тауби“, т. е. от сословия „белой кости“.

Основой сословного образования в Карачае, как и у всех народов, находящихся в патриархально-родовом быте (Чечня, Ингушетия и др.) являлось завоевание, покорение одного племени другим и насильственное положение, покупка и продажа людей и т. п., а не землевладение как это бывает по отношению крепостных при феодальной эпохе — в смысле закрепощения когда-то свободного крестьянина-земледельца захватившими не его лично, а земли его феодальными элементами.

К сожалению, многие и даже некоторые местные работники, не различая вот эти две эпохи

и не зная различного значения слова „уздени“ в отдельных горских народностях, в особенности русские товарищи, знающие слова „уздени“ только по произведениям Пушкина и др., насыщенным героями из черкесов и кабардинцев, у которых термин „уздень“ означал дворянина помещика—белую кость, понимают это наименование одинаково в применении ко всем народностям, в смысле дворян, независимо от их патриархального или феодального уровня развития и склонны делать отсюда организационные выводы, со всеми вытекающими последствиями, вплоть до лишения их права голоса в советах, а между тем, такие „дворяне“—„уздени“ в Карачае, как выше указано, составляют в общем более 80% всего населения, а в Чечне, Ингушетии и Осетии почти 99% всего населения.

Конечно, как мы это показали выше, это неверный уклон. По статистическим данным Военно-Горского Управления при Кавказском округе в 1863 г.¹⁾ процентное соотношение зависимых сословий—„кулов“ и их количество в горских областях Сев. Кавказа характеризуется следующим:

	Число всего на- селения	Число зависи- мых сословий кулов и кара- вашев	% соотношен. зависимых со- словий ко всему населен. около
В Кабарде	54.224	21.348	33
В Карачае	15.876	2.793	16
В Осетии	46.802	705	1
В Чечне	141.802	294	1,2
В Ингушетии	22.914	294	1

¹⁾ Сборник сведен. о Кавказ. горах т. I, изд. Тифлис, 1868 г., стр. 5 и 54.

Как видно из этой таблицы, „число зависимых“) во всех горских округах сравнительно с числом зависимых в Кабарде, было весьма незначительно, и если где обращало на себя внимание, то разве по округам Кумыкском и Осетинском. Население же других округов—Аргунского, Ичкеринского, Нагорного, Чеченского, и Ингушского вовсе не выработало у себя понятия о сословном делении вообще и крепостных отношениях в особенности, и потому здесь не было зависимых сословий, как установления народной жизни; только в двух последних округах, Чеченском и Ингушском, находилось небольшое число рабов (всего до 300 душ об. пола), купленных в недавнее уже время и живших у своих владельцев по обычаям тех именно стран, где они куплены. Вообще же численность зависимых в Кабардинском округе, сравнительно с численностью их во всех остальных горских округах, представляла отношение, как 5:1“, т. е., зависимые сословия в Кабарде в пять раз больше чем у всех остальных горцев всех вместе взятых, тогда как количество населения Кабарды по отношению всех горцев составляет почти обратное 1:5, т. е. в пять раз меньше. Кабарда была „островом“ феодализма и рабовладельчества на фоне патриархально-родового быта остальных горских народов Северного Кавказа.

1) Сборник сведений о Кавк. горцах. Т. I.

К истории образования феодальных лестниц.

Говоря об истории образования феодальных лестниц среди горских народов, необходимо остановиться на описании М. Ковалевского, официального историка горских народов, известного государствоведа (хотя буржуазного), но объективно изложившего этот вопрос. Его описание ценно тем, что оно составлено в то время, когда царская политика проводила свои мероприятия искусственной „надстройкой“; М. Ковалевский, отрицая наличие сословного различия среди горских народов вообще, за исключением Кабарды—Черкесии, говорит: „Где-же место для сословных различий среди этой родовой демократии, признающей общественные преимущества за одним старшим по возрасту?

Где те условия, при которых только и мыслимо привилегированное положение воинов и богачей в обществе, в котором все без различия несут военную службу и никто не в состоянии накопить богатство в своих руках, так как все, чем они владеют принадлежит им сообща с их родственниками“.

„Аксуек“ или белой кости. Сословная организация горцев и поддерживаемые ею понятия о чистоте и благородстве крови едва-ли могут быть понятны без изучения, по крайней мере, в общих чертах, общественного строя их ближайших соседей—кабардинцев. Судьбы этого племени, т. е. кабардцев в течение ряда столетий были связаны с судьбами горцев,—говорит Ковалевский.

Кабардинское „Неоднократно подчиняемые силой
влияние на ос- оружия, горцы часто стояли в зави-
тальных горцев. симости от кабардинцев в силу уже
того обстоятельства, что по недостатку пастбищ
в горах принуждены были выгонять свои стада
на Кабардинскую плоскость. К тому же наиболее
воинственное и могучее племя не могло не
сделаться предметом подражания для соседних
племен. Все туземцы Северного Кавказа
в одежде, оружии, домашней утвари, в
постройке жилищ, в манере держать
себя в обществе, словом во всех про-
явлениях обыденной жизни рабски под-
ражали кабардинцам. „Адыге-Хабзе“ (ка-
бар. обычай) служили законом для них.
Эта подражательность искусственно сказалась, до
некоторой степени, и в их сословной организации.

Кабардинский Чтобы отметить это влияние, нам
строй. необходимо в нескольких словах
коснуться наиболее характерных
сторон кабардинского строя. Основание послед-
него относят к XIII веку. Кабардинцы перешли с
Западно-Кавказских предгорий под предводитель-
ством полумифического Инала или его потомков;
Инал считался выходцем из Египта, покинувшим
его после поражения (войск Инала), нанесенного
ему турецким султаном Магометом II. От двух
ближайших потомков Инала произошло 4 кня-
жеских кабардинских фамилии, или, употребляя
кабардинское название „пши“: Атажукины, Кай-
тукины, Мисостовы и Бек-Мурзины; они застали
территорию Западного Кавказа заселенной пле-

менами адыгейского происхождения, незадолго перед тем освободившимися от татарского ига и управляемыми своими князьями. Последние, смотря по большей или меньшей самостоятельности своей, включены были кабардинцами в одно из следующих двух сословий: „тляхотлях“ (в переводе родовой человек) и „дожнугу“. Первые, в лице избираемого ими представителя—„козда“, разделяли с кабардинским „пши“ управление страной. Вся земля поступила в верховное распоряжение вышеназванных трех сословий, что, однако, ни мало не воспрепятствовало общинному пользованию ею со стороны всей Кабарды.

**Н а ч а л о крестного права
в Кабарде.**

„Начало крепостного права в Кабарде относится к временам отдаленным. Довольно сказать, что кабардинцы, пришедши на настоящее место своего жительства, привели с собой и рабов, число которых увеличилось потом новыми рабами— пленниками. В прежнее время кабардинцы вели беспрестанные войны с калмыками, крымскими татарами, аварцами и даже русскими (по преданиям они разорили Тмутараканское княжество). Всех пленников, взятых в этих войнах, уводимых часто тысячами, они, возвращаясь домой, делили и обращали в рабство. В более же близкое к нам время они, уже покорившись русскому правительству, при своей любви к набегам, считавшимся всегда особенным подвигом удальства, часто нападали на своих соседей, немирных горцев, при чем, конечно, не упускали случая поживиться, и которых также обращали в рабов.

Бывали в старину и такие случаи, довольно частые, что несколько братьев — князей, управлявших каждый доставшимся ему участком, ссорились между собой, вели войну, нападали друг на друга, разоряли страну — и с богатой добычей из скота и людей возвращались домой; этих пленных, между которыми, без сомнения, попадались и дворяне, они обращали в рабов, раздавая их своим приверженцам. Такой пример представляет князь Шолох Таусултанов, живший в XIII веке, переселившийся из Большой Кабарды в Малую. Он, до переселения своего, перессорился со своими двоюродными братьями за отказ их принять предложенные им условия раздела Кабарды, долгое время скитался у разных племен, на которые разделялся адыгейский народ, собирая шайки, нападал на своих соотечественников, разорял их, уводил в плен людей и раздавал их участвовавшим в его предприятиях уоркам, которые потом и переселились с ним за Терек. А иногда, также в старину, случалось и так, что какой-нибудь владелец хорошей фамилии выбирал свободную землю, селился на ней, собирал около себя охотников из отпущенников и бедных узденей, обещая им свою защиту и покровительство и взамен этого требуя от них некоторых повинностей, заключающихся в доставке разных предметов продовольствия. Поколения следовали за поколениями; поселенцы привыкали к своему новому месту, устраивались, как то позволяли средства, отбывали повинности, которые при жадности владельцев с каждым годом делались все сложнее и

сложнее, и, постепенно забывая свою прежнюю вольность, в конце концов, видели себя вполне крепостными. Но уже бросить свое место им было жаль, да они и не могли на это решиться, будучи не в состоянии бороться с владельцем, который всегда мог найти поддержку в среде других владельцев, составлявших большинство ¹⁾).

Таким образом, росло и росло в Кабарде рабство, приспособленное кабардинцами как нельзя лучше к своему исключительному быту. При свойственных всем жителям лени и привычке к роскоши, они только в рабстве могли найти источник удовлетворения своих праздных прихотей; одно только оно, при неимении других, более разумных и требующих более умственной работы средств, могло удовлетворять их потребностям и давать возможность безбедного существования. Таким образом, у кабардинцев вырабатывалось веками понятие, что можно жить только при существовании рабов, и понятие это, при первом взгляде на быт кабардинцев, как нельзя более подтверждается на деле. Кабардинец (владелец) с утра до вечера ничем решительно не занят, конь и оружие—вот все, на чем сосредоточено его внимание. Собираться в кружок, толковать, передавать друг другу новости, ездить по гостям часто в отдаленные аулы,—вот в чем проходит жизнь кабардинца. Ему нет нужды до хозяйства; он знает что рабы сделают все, что нужно. И если бы между кабардинскими

¹⁾ Предписание генерала Ермолова кабардинскому временному суду, от 31 августа 1824 года, № 49.

владельцами нашелся такой смельчак, что весьма трудно предположить, который решился приняться за какой-нибудь труд, унижающий, благодаря тому же обычаю, его достоинство, то отвернулись бы от него все, как от сумасшедшего, нарушающего ни с того ни с сего вековой обычай, завещанный предками. О женщине-кабардинке и говорить нечего: „она—продукт того же восточного предрасположения к лени—сидит постоянно в своей сакле с утра до вечера, ест, спит и больше ничего не делает,—и потому все домашнее хозяйство ее лежит на руках крепостной (унаутки)“, говорит Е. С—в.¹⁾

Внешняя работорговля среди горцев, главным образом среди кабардинцев²⁾. „В эпоху владычества кабардинских князей на человека смотрели не только как на рабочую силу, необходимую во всяком хозяйстве, не только как на воина, которого можно направить на своего соседа, но и как на предмет торговли“.

Едва-ли даже в древней Греции работорговля имела такое широкое распространение, как в XVI, XVII и даже XVIII веках на Кавказе. Если сопоставить кавказскую работорговлю с западной, то последняя, несомненно, и по размерам и по грубости, и по приемам побледнеет перед кавказской работорговлей. Но это и понятно; все-таки западные рабовладельцы были несравненно культурнее, и это обстоятельство до известной степени смягчало характер работорговли.

¹⁾ Сборник сведений о кавказских горцах. Т. I.

²⁾ Очерки по истории Осетии Г. Кокиева, ч. первая, г. Владикавказ.

Во время господства кабардинских князей работорговля сделалась ремеслом для них.

Работорговля, говоря вообще, на Кавказе явление не новое; она восходит к тем отдаленнейшим временам, когда общества кавказских народов разбились на классы, но кабардинские князья довели ее в XVI, XVII и XVIII до кульминационной точки. Работорговля стала самым доходным делом и ею занимались не только князья — рабовладельцы, имевшие, так сказать, „право“ на своих рабов, но и вольные люди, которые покупали специально для перепродажи за высокую цену. Князья и вольные люди, не имевшие ни своих рабов, ни средств, чтобы купить их, силой уводили от соседних народов не только взрослых людей, но и детей обо-его пола.

Уведенные или похищенные люди перепродавались в третьи руки внутри кабардинского, лезгинского общества, пока доходили до места окончательной продажи, т. е. до Турции, являвшейся в это время главным закупщиком рабов и крупным конкурентом с западными державами по части работорговли на мировом рынке, бывшем в Константинополе.

Князья Кабарды, Дагестана и Грузии гнали рабов на продажу целыми караванами или партиями со связанными руками к Черноморскому побережью, где в портах: Анапа, Батум и Сухум-Кале всегда встречали их турецкие купцы, ожидавшие по неделям со своими судами на море прибытия живого товара. Турецкие купцы про-

давали закупленных у горцев рабов в Рим, в Египет и в другие страны.

Нередко случалось так, что проданный в далекую чужую страну раб добивался с течением времени высокого общественного положения. Так, напр., Египетский султан Баркок, основавший в 138 году вторую династию Мамелюков, был пленный черкес, и еще целый ряд турецких пашей также были пленниками ¹⁾.

Рисуя такое заманчивое положение для своих детей в далекой чужой стране, прельщаемый высокой стоимостью красивого ребенка, наконец, боясь, чтобы хищник князь насильственно не отнял его для продажи—раб сам тайно увозил своих собственных детей к турецким купцам и продавал их. Случаи, когда владетельный князь силой отнимал или просто похищал детей своих рабов, в особенности красивых, были явлением обычным. Поэтому, родители принуждены были годами тщательно скрывать своих детей.

То обстоятельство, что даже до сих пор женский пол у турок и персиан покрывает свое лицо чадрой, есть отголосок, пережиток того отдаленнейшего времени, когда родители скрывали своих—в особенности женщин—от хищнического взора владетельного князя.

Хищение людей не только не осуждалось в обществе кавказских народов а наоборот, обычай поощрял это позорное занятие, возводя хищение людей в степень геройства и удалства.

¹⁾ М. Броневский. „Новейшие географические и исторические известия о Кавказе“. М. 1823 г.

Хуже всего в этой внутренней работорговле было то, что ею занимались не только лезгинские и кабардинские князья, а почти все до свободного крестьянина включительно. Поэтому, воровство людей приняло широчайшие размеры и уродливейшие формы даже среди бедняков. Каждый хотел нажиться, каждый похищал человека послабее себя, которого приводил как домашний скот, как товар, как собственность, на продажу в Ендеры (ныне Андреевская деревня в Хасавюрте, округе ДССР).

Человек, взятый в плен или похищенный, мирился со своим положением и отдавался в полное распоряжение насильнику, потому что в то время, оправданное общественным мнением, в полной мере торжествовало право сильного, а иных моральных или общественных принципов не существовало в обществе кавказских горцев в эпоху владычества кабардинских князей.

Зажиточные крестьяне имели возможность за бесценок купить в Ендерах раба для работы в своем хозяйстве. Этой возможностью пользовались так широко, что в Дагестане, в Кабарде, даже в Кизляре, хозяйство держалось исключительно на рабском труде, как это было в свое время в Риме и Греции.

Итак, Ендеры, теперь так незаметные, тогда являлись сосредоточением торговых сделок между князьями Кабарды и Дагестана. Здесь происходила жуткая торговля людьми, здесь ставались дети с матерями, жены с мужьями,

невесты с женихами; там раздавался плач детей и проливались слезы матерей.

По утверждению Шарденя, из Северного Кавказа через Черноморские порты ежегодно вывозилось свыше 12 тысяч рабов. Это жуткое положение длилось почти до XIX века, и только с усилением русского влияния на Кавказе работорговля стала понемногу выводиться.

Сословная политика царизма в Кабарде. В двадцатых годах прошлого столетия генералом Ермоловым нередко посылались кабардинцам весьма энергичные прокламации, поучавшие народ тому, как должно вообще вести себя и служившие действительным средством к ограничению произвола князей; но в сороковых годах, когда главным кавказским начальством было принято почти за систему поддерживать высшее сословие, чтобы через него способствовать управлению народом, кабардинские князья и первостепенные уздени успели вполне вознаградить себя за временно утраченное значение в народе. Материальные интересы народа были в руках князей.

„Землеустройство“ в Кабарде при царизме. Характерно при этом отметить систему царскую „уравнительности“ землеустройства в Кабарде, проведенного в периоды освобождения зависимых сословий (1868 г.).

В списке частных собственников из кабардинских аристократических сословий—пши, тло-котлешь и дыженуго значилось при распределении земель всего лишь 144 человека, в

частную собственность коим было отведено 75,051 $\frac{1}{2}$ дес.¹⁾

Благодаря этому, распределение поземельной собственности между, даже не только по сравнению с простонародием, но и между кабардинскими урожденными аристократами оказалось довольно пестрым. Высший надел в 1500 дес. получили князья: полковник Дохшуко Касаев и Асланбек Атажукин, сын полковника Атажуко Атажукин, а также из тлокотлешь полковник Кайсым Анзоров. Из князей, кроме Касаева и Атажукина, получили 8 человек по 300 дес., 4 человека по 800 дес., 3 чел. по 400 дес., 2 чел. по 500 дес.; в одиночку получили участки в 1400, 1200, 900, 700, 600, 550 дес. Что касается узденей (тлокотлешь и дыженуго), то из них один, как уже знаем, получил 1500 дес., 73 человека получило по 250 дес., 12 чел. по 500 дес., 9 чел. по 400 дес., 6 чел. по 550 дес., 4 по 300 дес., 3 чел. по 700 дес. и 3 чел. по 350 дес., 2 чел. по 1000 дес., 2 чел. по 600 дес.; по одному человеку получили участки в 1100, 900, 750 и 450 десятин.

Царское правительство о правах высших сословий горцев.

Царское правительство никогда не признавало право русского дворянства, тем паче прав на княжеские титулы, за феодалами Кабарды, тем более за их вассалами, таубиями в Карачае и Балкарии, узданлагами в Осетии, несмотря на то, что кабардинские князья, в тече-

¹⁾ Исторические сведения о Кабарде Кудашева.

ние 17 лет хлопотали об этом звании дворянства, растратив на это 166.700 руб.¹⁾

Комитет для разбора личных и поземельных прав туземцев, учрежденный в 1861 г. под председательством начальника Округа князя Орбеляни, находил возможным признать в потомственном дворянском достоинстве лиц высших сословий Кабарды — пши, тлоктлешь и дыженуго. Сословие пши (подразделением ему тума), комитет находит возможным именовать горскими князьями. Что касается сословия кабардинских узденей, как напр., Анзоровы, Тамбиевы и Куденетовы и др., то комитет (считая их не равными означенным сословиям) причислил к разряду привилегированных и только в 1873 г. труды сословной комиссии были представлены Начальнику Терской Области Лорис-Меликову, который в своем отзыве, от 14 февраля 1874 г., согласился с основными заключениями комиссии. Иначе отнесся к этому Начальник Кубанской Области генерал-лейтенант Кармалин. В своей записке от 23 марта 1873 г. он оспаривал не только заключение комиссии, но даже исторические материалы и те фактические выводы, которые сделала комиссия. По мнению генерала Кармалина, дарование титулов, проектируемых комиссией, было бы величайшею политическою ошибкою и унижением коренных русских князей и дворян. Горцы, по его мнению, „все без исключения, должны остаться в положении свободных сель-

¹⁾ Как это видно из исторических сведений о кабардинцах Кудашева, стр. 186.

ских обывателей, на правах государственных крестьян Империи. Кто из горцев наделен землей на правах частной собственности, тот должен пользоваться всеми правами собственника (как помещики). Горцы, достигшие чинов, сохраняют все преимущества, связанные с ними“.

Труды комиссии с заключением Начальника Терской и Кубанской Областей были внесены в совет Наместника Кавказского и рассматривались там в заседании 30 января 1880 г. Совет признал у кабардинцев существование сословных элементов, возвышающихся над общим уровнем населения, и наметил разряды, которые по правам и преимуществам могли быть годными к образованию наследственного класса. В Кабарде такими разрядами были признаны пши, с видами его—тума, тлокотлешь и дыженуго. Мнение Совета было утверждено Наместником Кавказа великим князем Михаилом Николаевичем. Дело это поступило в Государственный Совет, на окончательное утверждение, который передал его на заключение министру юстиции Набокову. Министр нашел, что на горцев не могут быть распространены права дворянства, как они распространены на высшие сословия Грузии и Имеретии. Мнение министра юстиции в 1884 г. было препровождено Главнo-начальствующему гражданской части на Кавказе, Совет которого не согласился с министром юстиции. По мнению Совета, дело, которым занимались целых 17 лет и на которое потрачено 166.700 рублей, не могло быть прекращено и

сдано в архив накануне его разрешения. При обсуждении вопроса член Совета Виноградов высказался за возможность предоставить горцам права поступать на государственную службу и отдавать своих детей в кадетские корпуса без причисления их к дворянству. Члены Совета Рогге и Прибыль считали справедливым горское высшее сословие причислить к русским потомственным дворянам; не находили только нужным наделять никого из них княжеским титулом, а также давать горским сословиям карпоративное устройство русского дворянства с вытекающими из него правами. Решительно против дарования прав дворянства высказался член совета М. Н. Кучаев, он всецело присоединился к мнению начальника Кубанской Области генерала Кармалина и повторил все его доводы. Самая большая уступка, какая могла быть сделана горцам в сословном вопросе, это причисление высших горских сословий к потомственным почетным гражданам. Иначе отнеслись Шереметьев и член Совета Пещуров. Они также находили возможным причислить членов высшего сословия к потомственному дворянству, но считали нецелесообразным теперь же предпринимать вопрос о введении у горцев, в отрицательном смысле, обществено-дворянского устройства.

На этом вопрос и застыл и остался неразрешенным. Среди горских народов пользовались званием князей только Дагестанские Шамхалы, Тарковские и Грузинские князья. Как видно из этого, не только вассалы кабардинских

сюзеренов в Карачае и др. горских народах тауби не пользовались правом дворянства, но и сами кабардинские сюзерены, всю свою жизнь мечтавшие об этом, не получили этого звания.

Что касается предоставления права дворянства, так называемым, сословиям „каракиши“ в Балкарии, „карауздени“ в Карачае, „уздени“ в Чечне и Ингушетии, то этот вопрос и другие не только не обсуждались начальствующими на Кавказе лицами и Государственным Советом, но даже местные комиссии, проектировавшие признание правительством за кабардинскими узденями права дворянства, не признавали за этими сословиями даже право потомственного гражданства, а лишь за ними признавали правовое положение их как свободных сельских обывателей на правах государственных крестьян.

Лучшей иллюстрацией того, что из себя представляло Кавказское, в том числе и горское дворянство, служит характеристика генерала А. Ермалова (командование кавказской военной линией); в письме своем на имя государя Александра 1-го, в апреле 1820 г. он писал... „что класс дворянства похож более на шайку разбойников, нежели на отличное сословие. Здесь дворянство служит примером и ободрением всякого злодейства. Народ простой вообще наклонностей более добрых“.

А в другом письме от 13 апреля 1820 года с Кавказа он пишет дежурному генералу при императоре Александре 1-м Арсению Андреевичу Закревскому: „представить нельзя, что за подлейшее здесь дворянство, а имеретинское еще

превосходит... все исчадие здешних царей и владетельных князей одной бешеной собаки не стоит“.

В другом письме 5-го декабря 1820 г. с Кавказа к тому же генералу Закревскому он говорит: „я бы желал тщеславных людей, помогающих сих пустозвучных титулов, перенести в Грузию, показать им толпу безобразных князей и спросить после: стоит-ли труда честного человека желать с ними сравниться“¹⁾.

Характерное
словное образо-
вание в Осетии.

Перейдем к истории сословных отношений в Осетии. В сведениях об осетинских адатах (обычаях) собранных в 1844 г., по распоряжению русского правительства, значит, что между осетинами существуют четыре сословия: высшее или дворянское, которое они называют „уозьденьлаг“, среднее — „фарсалаг“, низшее — „кавдасард“ и несвободное или рабское — „грузиак“, — говорит Ковалевский. Происхождение двух последних сословий легко объясняется, с одной стороны, войнами с Грузией, доставлявшими осетинам военно-пленных рабов („грузиак“ — буквально значит из Грузии), а с другой — господствующим доселе обычаем держать наложниц „нумулус“ и приживать от них детей „кавдасардов“, которые, наравне со всем остальным имуществом, поступают в общее владение двора или в раздел между живущими в нем семьями. „Кавдасард“ в буквальном переводе значит — рожденный в яслях.

¹⁾ Сборник материалов для описания местностей племен Кавказа, выпуск 45-й, 1926-й год.

Осетины по названию занимаемых ими горных долин распадались на следующие общества: тагаурское, куртатинское, аллагирское, дигорское и нара-аминовское. Каждое из этих обществ имело свою историческую судьбу, каждое развилось в своей среде особую организацию; каждое поэтому должно быть изучено в отдельности.

Древнейшим из этих обществ следует считать аллагирское. Долгое время аллагирцы жили между собой в мире и согласии, пока на соседнем плоскогорьи не поселились кабардинцы. С этого времени отдельные семьи, из видов наживы, вступили с кабардинцами в соглашение, стали помогать им в набегах, угонять к ним стада соседей, за что и были прогнаны с позором из среды аллагирского общества.

Изгнанники поселились в Куртатинском ущелье, где сперва жили между собой мирно, сохраняя в своем устройстве демократическое равенство. Но вскоре вспыхнули родовые усобицы, которые повели к тому, что часть населения выселилась из Куртаи в Тагаурское ущелье, дотеле никем не занятое.

Последствия кабардинского „культурного“ влияния.

Любопытно отметить при этом, что колонисты тагауры являются как-бы пионерами кабардинской культуры, их жизненного уклада. Предание говорит о содействии, оказанном им кабардинским князьям Кайтукиным. „Ущелевший при избиении целого ряда куртатинцев Шанеев находит приют в Кабарде у князей Кайтукиных, получает у них воспитание и с их

помощью водворяется в Тагаурском ущельи. Кабардинское влияние с самого начала сказывается на той сословной организации, какая возникает в Тагаурии со времени занятия ее куртатинскими выходцами из рядов вольных людей фарсалагов; выделяются не только прижитые от наложниц дворовые люди, кавдасарды и военно-пленные или купленные рабы, грузиаки (грузины), но и привилегированное сословие, члены которого носят одно наименование с кабардинскими узденями — наименование „уозьданьлаг“, в настоящее время „алладир“. Таким образом, тогда как в куртатинском обществе продолжает господствовать прежняя бессословность, в Тагаурии, под несомненным влиянием кабардинцев, складывается искусственно феодальная система. Это различие обоих долин сказывается прежде всего в сфере земледелия.

В куртатинском обществе, как и в аллагирском, удерживается начало владения землею, сперва родами, позднее сменившими их сельскими общинами. В Тагаурии это нераздельное владение уживается рука об руку с развивающейся частной собственностью. На занятых ими землях селят новых пришельцев из Аллагира, Куртати и Южной Осетии; устраиваясь на общинном начале, эти пришельцы, в силу занятия ими чужой земли, попадают в зависимое положение от „алладир“. Эта зависимость проявляется и в характере их отношений к земле.

Вот в каком виде представляются взаимные

отношения сословий в Тагаурии, до уничтожения в ней в 67 году крепостной зависимости.

Высшее общественное положение принадлежит „уозьданылагам“, или „аллардам“. Права уозьданылагов весьма широки. Они одни могут владеть кавдасардами и грузиакками, распоряжаться ими по произволу и подвергать их наказанию помимо суда.

Обязанности фарсалагов перед тагаурами.

Как верховные собственники всех земель Тагаурии, они получают от „фарсалагов“¹⁾ следующие повинности и платежи. Весной каждый двор доставлял уозьданылагу одного ягненка, осенью большого барана. К ежегодным платежам принадлежит также: воз сена, овечий сыр, 1 ф. коровьего масла. Если фарсалаг убьет на мясо скотину или зарежет барана, то передняя лопатка с ребрами принадлежит уозьданылагу. Во время поминок и свадеб фарсалаги доставляют своим господам бузу и с'естные припасы, смотря по состоянию. Что касается личных повинностей, то одной из главных следует считать обязанность сопровождать господина на собственной лошади, куда бы он ни поехал, на правах его телохранителя. Это также обязанность, какой в средние века подчинялись и вассалы. Рядом с этой повинностью фарсалаг нес и другие, чисто хозяйственного характера. Во время покоса, пахоты и жатвы из каждого фарсалагского двора

¹⁾ Фарсалаги — это основные народы — аборигены Осетии и самые многочисленные и производительные сословия, как и сословие — „карауздень“ в Карачае.

посылается на хозяйское поле человек, который с собственными орудиями и на хозяйском корму обязан проработать целый день. Фарсалаги пользуются правом перехода от одного узденя к другому. Взамен получаемых ими выгод, уозьданылаг обязан живущего у него фарсалага оберегать от всяких обид и насилий.

Одним из способов, которым достигнута была на западе эмансипация среднего сословия от феодальной аристократии, была покупка земель в собственность у разоряющейся знати. Та же покупка причина тому, что иногда фарсалаги, с течением времени делались совершенно независимыми собственниками и освобождаемы были от всякого рода повинностей и платежей. Этим путем восемь из упомянутых нами одиннадцати уозьданылагских семейств потеряли права на своих фарсалагов и уступили в их пользу часть принадлежащих им земель.

Чем в Тагаурии являются уозьданылаги или аллары, тем в Дигории—бадилята. В сословной организации Дигории кабардинское влияние может быть отмечено с еще большей наглядностью чем в Тагаурии. Основание высшего сословия дигорцы связывают с поздним, сравнительно, поселением в их среде чужестранца, выходца из „Маджар“—города, развалины которого доселе сохранились в Куме, около гор. Прикумска. Имя этого выходца было „Бадила“. Он сделался родоначальником могущественного в Дигории рода „Бадилят“. На первых порах скромный пришелец,

готовый зарабатывать свое существование уходом за стадами, Бадила приобретает в среде дигорцев особенное почетное положение, благодаря выдающейся роли, какую ему приходится играть в войнах их с соседним аулом „Донифарсом“. Дигорцы, гласит предание, не знали в это время огнестрельного оружия. Бадила первый знакомит их с употреблением оружия. Тот же Бадила, как мусульманин находит себе поддержку в кабардинских мусульманах, которые через его посредство стараются о распространении Корана среди христианского населения Дигории. Народное предание обвиняет Бадилу и его потомков в тайных сношениях с кабардинцами, которых они будто-бы сами приглашали в Дигорию, указывая им на легкую добычу.

Дигорцы мало-по-малу привыкли видеть в бадилятах кабардинских агентов и повиновались им поневоле. Под влиянием кабардинцев бадилята установили в Дигории ту самую общественную организацию, с характером которой мы уже познакомились выше, говоря о тагаурских сословиях. На ряду с рабами и кавдасардами, появился в Дигории и класс людей, лично свободных, но зависимых от бадилят, благодаря поселению на их землях. Этот класс известный под названием „адамихат“, вступил с высшим сословием в такие отношения, в каких в Тагаурии стояли к нему „фарсалаги“.

В заключение интересно привести из книги проф. Леонтовича, „Адаты кавказских горцев“

для иллюстрации сословных лестниц в Осетии: проф. Леонтович говорит, что: „народы осетинского племени, обитающие на северной покатости Кавказского хребта, по левому берегу Терека, от Казбека до равнин Большой Кабарды, суть: тагаурцы, куртатинцы и аллагирцы.

А. Тагаурское общество¹⁾.

Тагаурское общество разделяется на четыре сословия: I. уозьданылаг (дворянское сословие), II. фарсалаг²⁾ (сословие вольных людей), III. кавдасард (сословие дворовых людей), IV. грузиак (сословие рабов).

Сословие уозьданылаг состоит из 11-ти фамилий, а именно: Тлате, Кондехе, Алдате, Тугане, Тхосте, Мамсоре, Есене, Канукое, Санаи, Дударе и Дзантие. Других уозьданылагских фамилий нет. Ни одна из этих 11 фамилий не считается старшей, ни младшей, а все они находятся в одинаковой степени старшинства.

Б. Куртатинское общество³⁾.

Куртатинское общество разделяется как и тагаурское на 4 сословия: уозьданылаг, их всего, 9 фамилий, а именно: Тамбонате, Насфонате, Оласех, Кунавате, Бадзиате, Гутиате, Адияте и Богульте. Других уозьданылагских фамилий нет. Все эти 9 фамилий состоят в одинаковой сте-

¹⁾ Общество это называется так только у грузин и русских; сами же они называют себя тагсате.

²⁾ Тоже, что каракиши или карауздени в Карачае и Балкарии.

³⁾ Куртатинцы называют себя куртате.

пени старшинства и ни одна из них ни старше или младше другой, фарсалаг, кавдасард и грузиак.

Состав и происхождение каждого сословия куртатинского общества те же самые, что и тагаурского общества.

В. Аллагирское общество¹⁾.

Аллагирское общество разделяется на 2 сословия: уозьданылаг и фарсалаг.

Уозьданылагское сословие состоит всего из 4 фамилий, а именно: Сидамонте, Дцадарцонте, Акузате и Кусагонте.

Балкарский строй
вассалитет

Нам остается перейти к четвертому из горских народов Северного Кавказа—к балкарцам, строй которых более близок к карачаевскому, чем черкесский к кабардинскому.

Кабардинцы уже впоследствии должны были оказать влияние на организацию сословия у этого татарского племени, потому что некоторые из его аулов в разное время состояли в прямой зависимости от могущественного из кабардинских родов—рода князей Атажукиных. Предания балкарцев помнят еще те времена, когда в стране не было ни сословий, ни даже частной собственности на землю. То же явление мы наблюдаем и в Карачае; возникновение того и другого связывается с фактом прибытия выходцев из Маджар и Абадзехии. Эти выходцы захватывают

¹⁾ Аллагирцы называют себя уалладжир.

власть в свои руки с помощью пришедшего войска, частью тех союзников, которых им удалось создать для себя в местном населении. Наградой за измену является наделение заговорщиков землями на вассальных основаниях и установление рядом с сословием „таубиев“, или горских князей, сословия зависимых от них в земельном отношении „каракишей“; то же самое что „карауздени“ в Карачае. Все остальное население составляют частью рабы, главный контингент которых доставили военно-пленные касаги, или черкесы, откуда и самое наименование рабов „касаги“, частью лично свободные, но прикрепленные к земле „чагары“, которые несут в пользу князей и каракишей всякого рода повинности и платёжи.

Роды „таубиев“, или горских князей, не только правят остальными, но являются по отношению к ним верховными собственниками: каракиши и чагары сидят на их землях, платят им не только земельную ренту, но и целый ряд натуральных ¹⁾

¹⁾ Интересно привести для иллюстрации натуральные повинности каракиши (кара-уздени) как в Балкарии, так и в Карачае, приведенные в известность в 1864 году перед таубиями и кабардинскими князьями (подлинники в центр. горск. архиве в г. Владикавказе).

1) Во время сенокоса каракиши с каждого двора должны дать таубию одного косаря на один день.

2) Для сбора сена и поставки копен каракиши с каждого двора дают на один день одного человека.

3) Для перевозки сена каракиши с каждого двора обязаны дать своему таубию одного человека с парой быков на один день. Во время этих работ таубий дает все продовольствие.

4) В покосное время каракиши обязаны дать своему таубию с каждого двора, у кого не менее 60 баранов, одного барана, назначаемого в пищу косарю.

5) Для распахки полей каракиши с каждого двора обязаны дать

сборов, отправляя в то же время в их пользу установленные повинности. Каждый каракиш, за исключением старшего в роду, обязан один раз в году пахать княжеское поле и один день косить в княжеском лесу. В горячее время жатвы женщины каракишских дворов выходят на княжеские нивы для уборки с них хлеба. Сверх ренты, платимой обыкновенно частью продуктов, каракиши производят в пользу таубия платежи по случаю замужества его собственных дочерей. Кончина каракиши, если последствием ее является раздел семейной собственности, также служит поводом для господина к получению имущественных выгод

своему таубию на один день одного человека с парюю быков и земледельческими орудиями.

6) Каракиши обязаны выслать одного человека на один день полоть просо. Повинность эта отбывается только в двух фамилиях у Мисаковых и Абаяевых, потому что они занимаются посевом проса, не существующего у горцев.

7) Для жатвы каракиши дают таубию на один день одного человека.

8) Для перевозки хлеба на гумно каракиши должны дать таубию с каждого двора одного человека с парюю быков на один день.

9) Для удобрения навозом полей каракиши должны дать своему таубию с каждого двора одного человека с парюю быков на один день. Во время всех этих работ продовольствие идет от таубия.

10) Если захочет таубий назначить каракиша пастухом своих овец или табунщиком, имеет на это право не иначе, как по согласии самого каракиши обязательно за известную плату. Одной только фамилии Биевых, каждый каракиш обязательно должен пробить известный срок пастухом овец или табунщиком, но тоже за плату по согласию.

11) Каракиши должны дать таубию с каждого двора один раз в год лошадь или осла, для доставки какой бы то ни было тяжести с плоскости.

12) Для доставки сосновых лучин для освещения каракиши с каждого двора один раз в год обязаны дать лошадь или осла своему таубию.

13) Лес для постройки дома таубию должны сами заготовить, но для перевозки всего заготовленного леса, совместно с его холопьями,

точь в точь, как это имело место на протяжении всей средневековой Франции. Обязательный дележ с господином мяса убитой скотины известен балкарцам в такой же степени, как и средневековым шотландцам. Подобно вассалам феодальной Европы, каракиши обязаны являться вооруженными для сопровождения своих князей на войну и содержать боевых коней на собственные средства, т. е. „конными и оружными“ по древнерусской терминологии. На земле таубиев и каракишей обыкновенно сидят „чагары“. Их обязанности и права регулированы горскими адатами, или обычаями с такою же строгостью, с какой

каракиши с каждого двора должны дать одного работника с парой быков.

14) Зимой, в продолжении двух месяцев, каждый двор каракишей обязан кормить одну скотину, принадлежащую таубию и, если скотина падает от дурного присмотра или корма, то каракиши платят за нее, если же скотина падает от болезни, то каракиши за это не отвечают.

15) Если к таубию приедет несколько человек гостей, то состоятельные каракиши обязаны кормить по одной лошади все время, пока гости проживут.

16) Если у таубия в доме нет служанки (анавут, каракишей или безобрядного холопа-казачка) и он желает приобрести ту или другую, но по бедности не может купить, то каракиши с каждого двора, для этой надобности дают по одной скотине.

17) По смерти совершеннолетнего таубия каракиши с каждого двора дают ему для поминок трехгодовалую скотину, но когда же умрет женщина или малолетний, то ничего не дают.

18) Во время поминок, делаемых каракишем, они обязаны доставлять к столу своему таубию: когда поминки большие—одного барана, а когда малые, то, смотря по количеству приготавливаемого.

19) Каракиши свое недвижимое имущество, без крайней нужды не может продавать; продающий землю должен предложить своему таубию купить ее, и если тот откажется, то предлагает покупку ее подвластным; затем, продавший землю свыше, чем 30 рублей, дает своему таубию 10 рублей.

20) Если два брата каракиши состоятельные и делят свое имущество, то дают землю своему таубию в 300 рублей, а кто беднее,

регулировались они некогда французскими ренталями. Из каждого двора чагаров господин вправе требовать круглый год по одному работнику и работнице. Сверх того, раз в год все мужское и женское население двора выходит на хозяйское поле. Кончина чагара или его господина, отдача в замужество его или хозяйских дочерей, все это является основанием к производству чагаром натуральных платежей в пользу таубиев и каракишей.

Низший слой населения составляют „касаги“, положение которых мало чем отличается от того, какое в древнейший период средних веков со-

то, смотря по состоянию 100—10 рублей, скотом или вещами, причем непременно должны быть посредники и оценщики.

21) Если каракиш получит за кровь, то обязан из полученных денег дать своему таубию—250 руб., или стоящего этой суммы холопа или землю; а равно, если таубий получит за кровь, то тоже дает своим каракишам такую-же сумму.

22) Если таубий убьет кого-либо и должен заплатить за кровь, то каракиши должны дать ему с каждого двора, смотря по состоянию, от 25—100 руб. и обратно, если каракиши платит за кровь, то таубий помогает ему такой же суммой.

23) Когда каракиши режут для себя большую кормленную скотину, то обязаны прислать своему таубию пять ребер ближайших к груди.

24) Когда каракиши варят для себя пиво, то обязаны прислать своему таубию один кувшин.

25) Во время уразы (поста) каракиши должны дать с каждого двора своему таубию девять лепешек из пшеничной муки и бурдюк бузы.

26) Каракиши при выдаче своих дочерей замуж, должны дать своему таубию две скотины. Повинность эту несут не все каракиши, но кто несет ее, то таубий обязан сделать от себя подарок невесте.

27) Когда таубий взял к себе в дом жену, то холопы тестя берут у кого бы то ни было из каракишей зато одну трехлетнюю корову или бычка на зарез.

28) Каракиши Джанхотовой фамилии дают по паре бычков своему таубию для заготовления на зиму дров.

ставляло незавидный удел рабов. Подобно им касаги покупаются и продаются господином. Положение касагов, в некотором смысле, даже хуже положения рабов, так как они и дети их, происшедшие от временных связей, составляют собственность хозяев.

Такова в самых общих чертах, сословная организация народов 5 горских (Балкарских) в том виде, в каком она существовала до 1867 г.— эпохи отмены крепостной зависимости на Кавказе ¹⁾).

29) Если таубий нанесет побой каракишу, то первый обязан подарить обиженному лошадь или ружье, при чем, когда таубий сделает этот подарок, каракиши приготавливает мировой стол и принимает таубия.

30) На новый год таубий должен угощать своих каракишей.

31) Если каракиши отдает свою дочь в замужество, то таубий дает ей подарок.

32) Если каракиши имеет дело, то таубий должен быть ходатаем, где бы это ни было.

33) За грабеж, сделанный каракиши в доме своего таубия, или на его дворе, по приговору суда определяется наказание и штраф.

34) Если таубий пошлет кого-либо из холопей для понуждения каракиши к исполнению повинностей, а каракиши ударит при этом посланного холопа, то жалоба эта разбирается в местном суде, по приговору который наказывается штрафом.

35) Если каракиши умрет и после него не останется прямого наследника ни брата, ни родственника, то имение переходит таубию, которому принадлежит умерший.

36) Если из двух братьев каракиши, живущих раздельно — один умрет, не оставив сына, то имение переходит к оставшемуся в живых брату; таубий же получает одну часть из земель или пахотной или покосной по выбору, но при посредниках и членах участкового суда. Но когда же остается жена или дочь, то выдел части предоставляется выбору или решению шерията.

37) По смерти вольноотпущенного каракиши, если не остается наследников ни брата, ни родственников, то имение переходит к таубию.

¹⁾ М. Ковалевский.

Частное земле-
владение в доре-
волюционное вре-
мя в Балкарии.

При этом необходимо вкратце отметить состояние землевладения (частновладельческого) в Балкарии. По сведениям правительственной комиссии, обследовавшей Балкарию в 1906/7 г., в руках 139 дворов таубиев, или 6% всего населения в четырех обществах (чегемском, балкарском, хуламском и безенгиевском), находилось пахотной земли 500 десятин или 20% всей земли, имеющейся у общества; покосной 5.762 дес., или 43% и пастбищной 26.947 или 30%. В урусбиевском обществе фамилия Урусбиевых считает своею собственностью все земли, за исключением селений Гижгит, Куркужан и Шашбоват. Об этих землях Урусбиевы ведут процесс с казною и урусбиевским обществом. Кроме земель, которыми таубии давно уже владеют, многим из них пожалованы еще земли из казенной эшкаковской дачи, напр., Исмаилу Урусбиеву и Хамсоту Урусбиеву по 100 дес., 14 другим из Урусбиевых — 700 дес., Магомету Биеву 100 дес., Дадашу Балкарукову 250 дес. и т. д. Большинство земельных участков таубии владеют на тех же основаниях, как и лица других сословий, т. е. на праве собственности.

В виду особой важности вопроса освещения феодальных и патриархальных отношений среди горцев вообще приводим, поэтому, отдельные исторические моменты, освещающие этот вопрос, из печатных трудов М. Н. Покровского, как авторитетного марксистского историка¹⁾.

¹⁾ Книга М. Н. Покровского «Дипломатия и войны царской России» в XIX столетии», стр. 192 — 202.

Тов. Покровский говорит, „что представление об однообразии или по крайней мере родстве горских племен Кавказа, столь же мало существенно, как мнение о „коварном хищничестве“, как некотором природном их качестве“.

Различие гор-
ских народов по
языку и обще-
ственному строю.

„Различные по языку, горские народы не более походили друг на друга и своим общественным строем. И здесь объединяющим началом явилось только мусульманство, со своим каноническим правом („шериа-том“), игравшим в этих местах приблизительно такую же роль, как римское право в средневековой Европе. С этой последней точки зрения наиболее культурным из горских племен являются черкесы в собственном смысле (черкесы „адыге“). Здесь мы имеем сложную лестницу вассалитета (количеством 11-12, У. А.), с сюзереном князем („пшитл“), вассалами первой степени („тлехотля-ми“), („арьер-вассалами“), „беслен-вуорками“, — „вуорк“ вообще вассал, — вооруженными челядью-дружиной (узденями), невооруженными и потому неблагогородными челядинцами, — „логанautaми“ и „унаутами“ (холопами) и, наконец, крепостным крестьянством разных степеней зависимости и различных наименований“.

Подобно французскому сеньору XII столетия, черкесский дворянин, как и этот сеньор, высоко ценивший чистоту своей крови, имел право „мертвой руки“ по отношению к жившему на его земле крестьянину, „право от'езда“ по отношению к своему сюзерену-князю.

Подобно французскому королю или герцогу той же эпохи, этот сюзерен ничего не предпринимал без совещания со своим вассалом, а в более важных случаях созывал представителей всех „чинов“, кроме, конечно, крепостных крестьян и холопов. Из этой „курии“, как и в Западной Европе, мало-по-мало выделилось специальное судебное учреждение из крупнейших вассалов и сведущих в писанном праве духовных лиц — зародыш средневекового „парламента“. Но писанное право начинало брать верх, вместе с усилением влияния ислама в последнее десятилетие черкесской независимости: раньше господствовали исключительно „кутюмы“ (адат)—свои у каждого племени и даже у каждой местности, передававшиеся изустно из поколения в поколение.

Но, вообще, говоря черкесский крестьянин — подобно крестьянству средневековой Европы — далеко не был таким „движимым имуществом“ своего помещика, как русский крепостной, его современник: продавались и заменялись „поштучно“ только холопы, которых было немного, преимущественно из военно-пленных и их потомства. По средневековому обыкновению имущественные права крестьянина были лучше ограждены, чем личные: на имущество своего крестьянина черкесский барин имел лишь строго определенные обычаем права и не мог требовать от него ни работы, ни оброка сверх обычая. С другой стороны, и крестьянин, по обычаю, имел право требовать от своего помещика материальной поддержки в известных случаях. „Вспахать поле — мое дело“,

говорил крестьянин, но „семена и волы его (господина)“; „выкосить сено—горе моих рук, а коса, просо и два барана — камень на его шее“. Зато от вспышек барского гнева — до убийства включительно—черкесский крестьянин юридически ничем не был гарантирован точно так же, как и его далекий прообраз — средневековый вилан: тут сдержки были только моральные. Тем не менее „крестьянин говорил со своим господином, как с равным себе; в обращении же с ним господина не было ничего унижительного или оскорбительного. Крестьянин, дворовый человек и даже раб не терпели никаких кличек и откликались только на свое настоящее имя“. „Мщения обиженных крестьян против владельцев встречались очень редко; бегство же крестьян из непокорных обществ в наши пределы бывали еще реже¹⁾“. Особенно свободно чувствовали себя крестьяне в Абадзехии, где князей (пши) не было.

Все это не могло не перенести постепенно центра социальной тяжести с непроизводительного военного класса „вуорков“ на производительный, на крестьянство. Стоит отметить, что еще до начала войны с Россией, эта социальная перестановка давала уже и политические результаты: в черкесских „чинах“ начинают играть роль молчавшие до сих пор представители черкесского „третьего сословия“. Эволюция только в одном случае дошла до своего логического конца: в земле шапсугов, одного из черкесских племен,

¹⁾ Дубровин, назв. соч., стр. 214 — 215.

господство дворян было совершенно свергнуто, по крайней мере, на время. Причина—вернее непосредственный повод—революция—была необыкновенно характерна: дворяне Шеретлуковы ограбили купеческий караван и при этом убили несколько защитников торговцев из числа местных жителей (купцы обыкновенно прибегали к подобному покровительству, как это опять-таки не чуждо было в средневековой Европе). Только после нескольких лет кровавой борьбы удалось дворянам вернуться в страну (дело происходило в 90-годах восемнадцатого века), но это была не победа, а лишь компромисс: благородное сословие сохранило только некоторые почетные привилегии, участие-же в управлении народными делами оно должно было разделить с „неблагородными“.

Уравнение сословий сказалось особенно резко на размерах платы за убитого—головничество“, как называлось это у нас в дни „Русской Правды“. Прежде за дворянина платили в несколько раз больше, чем за смерть простого человека; теперь за первого платили 30 голов скота, за второго 28. Пример шапсугов так подействовал, что у абдзехов и натухайцев подобная же демократизация общества прошла без всякой революции. Нет надобности говорить, что русское правительство, уже тогда сосед черкесов, было на стороне дворян: им помогали несколько сотен казаков с пушкою, по прямому разрешению Екатерины II. Черкесское крестьянство в первом же бою пострадало от русской артиллерии,—но не сдавалось...

Демократический
строй Чечни и
Ингушетии.

Таким образом, у черкесов аристократический строй мало-по-малу уступал место демократии: у чеченцев аристократия совсем еще не успела сложиться ко времени войны. Если первые дают нам картину феодального общества, напоминая Европу XI-XII века, то вторые не меньше напрашиваются на аналогию с германцами Цезаря и Тацита. Чечня конца XVIII века—страна до-феодальная, патриархальной демократии. Земля принадлежала родам, а не отдельным лицам.

Термин „уздень“
в представлении
чеченцев.

Чеченцы называют себя узденями; слово это имеет у них другое значение, чем у соседей. У последних, говорит М. Н. Покровский, „этот классовый институт дробился на степени, а у чеченцев все стояли на одной степени узденства, различаясь между собой только качеством: умом, богатством, щедростью, храбростью, а нередко и другими делами: разбоями, воровством и т. д. Таким образом, слово „уздень“, заимствованное от соседей, означает у чеченцев человека свободного, независимого, или как они сами выражаются „вольного, как волк“. (Курсив наш. У. А.).

Все, что принадлежит к чеченскому племени, выселенцы из Ичкерии, с верховьев Аргуна, говорят проф. Леонтович (Адаты кавказских горцев, т. II, стр. 80) составляет один общий класс людей вольных, без подразделений на дворян, или на князей. „Мы все уздени“, говорят

чеченцы, принимая это слово в этимологическом значении, то-есть люди, зависящие от самих себя¹⁾).

Но в массе народонаселения находится в Чечне немногочисленный класс личных рабов и происходящий от военнопленных. Он ежедневно увеличивается вновь захваченными в набегах. Хотя состояние тех и других почти одинаково, однако-же существуют между ними различия; первых зовут лаями, вторых—и е с с ы р я м и.

Феодальная Ка-
барда.

„Как и тацитовские германцы, говорит М. Н. Покровский, чеченцы не были, конечно, удобными и покойными соседями. Но нужно было все безграничное непонимание особенностей первобытных народов, чтобы трактовать население Чечни, как одну сплошную—„шайку разбойников“,—как это делал Ермолов, официально утверждавший, что „сего народа“, конечно, нет под солнцем ни гнуснее, ни коварнее, ни преступнее“. Ермоловские солдаты были иного мнения и массами дезертировали в демократическую Чечню, тогда как в феодальную Кабарду не бежал никто. (Курсив наш У. А.). Вопрос, о выдаче этих беглецов, был одним из наиболее острых, и портившим отношение между русской администрацией и чеченцами. Что последние вовсе не были профессиональными разбойниками—едва-ли нужно прибавлять. Горные племена занимались, главным образом, скотоводством; может быть отсюда и самое название

¹⁾ Езю дан—от себя.

„чеченцы“, „начхой“ (так называли себя сами): чеченцами их прозвали русские“.

Сословный вопрос в Карачае.

Исторический момент.

Образование сословного разделения в Карачае явилось результатом воздействия кабардинского строя. Долгое время карачаевцы жили, сохраняя свою родовую демократию до тех пор, пока не попали в зависимость от кабардинских князей (в XVIII веке). Древние карачаевцы были свободным обществом, принимавшим каждого пришельца на равных правах, и только война, а с войной военнопленные—создавали в этом обществе первичное неравенство.

Кабардинские князья, покоривши Карачай (более 200 лет тому назад), начали взыскивать с населения оброк и пытались ввести в Карачае тот же феодальный строй, который имел место у них. Прежде всего, были насаждены в Карачае вассалы кабардинских сюзеренов, так называемые „таубии“, собиравшие оброк для кабардинских князей. Известны из этих таубии князья Крымшамхаловы, Дудовы и другие; предки первых служили у кабардинского князя—Кази, переводчиками. Они считали себя выходцами из Шамасии через Крым¹⁾, а Хал название одного се-

¹⁾ Арабское владычество в Дагестане и сменившее его господство поставленных от Шаха дербентских ханов наложили свою печать и на политический строй восточных горцев. В Дагестане, по словам Масуди, не было царей и правителей до того. Дагестанская летопись Мухамеда Рафи, составленная в конце XV века, связывает происхождение кумукских ханов с фактом нашествия арабов на Кавказ.

ления Шама. В помощь им кабардинские князья посылали „муртазаков“—команда пленных,—которые находились в подчинении у таубиев и служили им слепым орудием при сборе оброка с ранее свободных карачаевских народов—каракиши и способствовали превращению их в зависимое от кабардинских князей сословие. Таким образом, впервые началось образование зачатков, своего рода лестницы, вассалитета в Карачае из вассалов кабардинских князей—таубий, как владельцы, а через них, из их „муртазаков“, а также из военнопленных и купленных людей, образовалось сословие „кул“—зависимые сословия. Как те, так и другие образовались из позже пришлого элемента, но не из аборигенов Карачая.

В этом отношении характерно привести подтверждение проф. Леонтовича—известного кавказоведа, который говорит:—у кавказских народов дворянство, по всей видимости, не произошло из лона самого народа. Почти везде

Таким порядком арабы, занявшие Каспийское побережье Кавказа, назначили над собой и над теми, которые до тех пор были их вождями государя из числа потомков Хамзы (происходившего из священного в глазах аравитян рода корешитов). Этот государь был назван Шамхаловым, по имени своего деда, который родился в селении называемом „Хал“—одном из селений Шама, т. е. Сирии (М. К. т. 1-й).

Характерно отметить тот факт, что вот эти так называемые карачаевские владельцы „Крымшамхаловы“, по установленным данным—выходят не из Крыма, а из владений вышеуказанных Дагестанских Шамхалов, где они были придворными служащими при князе Шамхала, но, убежав от последнего, они присваивают себе звания своих князей и выдают себя за князей, а чтобы замести следы, приписывают себе и Крым, отчего получается „Крымшамхаловы“; из бывших зависимых беглецов, благодаря их связи с Кабард. князем Кази и при его поддержке, постепенно становились господами положения в Карачае в качестве „вассалов“, где еще зачатков феодализма до того не было (У. А.).

дворянин есть воинственный пришелец, завоевавший или добровольно призванный пастушескою общиною, защищающий эту общину и получающий за это ясак или плату. Так, у осетин адьдары суть потомки беглых, лишенных престола, армянских царей; у дигорцев бадияты суть потомки мадьярина Бадели: в Большой Кабарде, у беслинеевцев и абазинцев князья считают себя происходящими от арабов, что впрочем не вероятно. Князья темиргоевские, гатукаевские и бжедухские считаются происходящими от Инала-Кеса и родными владельческим князьям Абхазии и Кабарды (Адаты кавк. горцев том I, стр. 189).

Сословные деления в Карачае. В Карачае к моменту освобождения закрепощенных сословий в 1863/6 г. значилось 4 вида сословий: 1) так называемые владельцы Карачая — „таубии“ сословие белой кости, фактически являвшееся вассалом кабардинских сюзеренов; 2) „каракиши“ (карауздени), т. е. черный народ, образовавшийся из основного населения Карачая (аборигены Края); 3) „кулы“ „пшитли“, тоже что кабардинские логанауты, и 4) „кулы“ — казаки (мужчины), и караваши (женщины). Последние не имели права собственности и семьи.

Самыми бесправными из всех выше названных категорий населения являлись последние, т. е. „кулы“ — казаки (унауты) и караваши; последние по кабардинскому обычаю, не имели права вступать в брак, но им дозволялось, с согласия владельца, иметь временного мужа из логанаутов и даже людей свободного сословия, при чем все

дети, рожденные от такого брака как мальчики, так и девочки, делались унаутами. Их было к моменту освобождения зависимых сословий, т. е. к 1863/6 г.г. в Карачае обоего пола 750 человек. Что касается кулов пшитлей (на кабардинском языке логанауты), то к этой категории принадлежали сословия, известные в официальной переписке под именем „обрядных холопов“, или холопов с правами. Члены этого сословия, оставаясь в личной зависимости от владельцев, несли им службу в известных, обычаем установленных, размерах и за лицами этого сословия, в некоторой степени, уже признавали права как личные, так равно семейные и имущественные. При этом нужно отметить, что характерно в Карачае то, что ни одно из этих двух кульских сословий не образовалось из аборигенов Карачая, а из позже приобретенных людей, как и сословие „владельцев“ Карачая „таубий“.

Сословие каракиши (черный народ), хотя и считалось пользующимся личной и имущественной свободой, но фактически оно было зависимо от произвола кабардинских князей и даже их вассалов. Они эксплуатировались разными оброками и податями. Ни один каракиши не имел права помешать кабардинскому князю, если тому было угодно, переночевать с его женой, сестрой или дочерью. Это, как известно сохранение „права первой ночи“ средневекового права, установленного для крепостных. Как видим из свидетельств Шора - Бек - Мурза - Ногмова

(история Адыгейского народа), „повинности черного народа — карачаевцев“, т. е. каракиши по отношению к кабардинским князьям, носили иной характер: карачаевцы были нераздельны между кабардинскими князьями в их подданстве с самых давних времен; они платили князю, старшему летами в Кабарде, 300 баранов от всех, а от каждого дома по сапетке пшеницы, по большому кувшину коровьего масла. Когда малолетний сын какого-либо князя в первый раз приезжал к карачаевцу, то в этом случае всякий житель карачаевец (каракиши) обязан был дарить ему, у кого были табуны лошадей — лошадь, если же лошадей не имелось, то корову, быка или барана и проч.

Старшины (т. е. таубии), кроме сего дарили ему: оружие, шашку, пистолет и т. д. Князь может послать в Карачай и взять, что потребуется: лошадьми или коровами и прочим, что только нужно. Если кто-нибудь противился, то его, именем князя, арестовывали. Все совершалось именем князя и требовалось безусловное повиновение. Если же князь положил камень в дверях дома подданного, т. е. загородил его, то не только камень никто не мог тронуть, но даже переступить не смел, до тех пор, пока сам князь не прикажет снять камень. Обитатели помещения, остающиеся внутри покоев, не могли выйти во двор, как не могли войти и в дом находящиеся во дворе. Подобным образом князь мог положить камень и на пашню; тогда производящие пахоту не могли тронуть камня, или в

противном случае платили штраф князю (хорошую холопку).

Так изображает Ногмов „повинности“ карачаевского народа. Куб. историк Щербина¹⁾ говорит: „до подчинения Карачая русской власти (т. е. до 1828 г.), население его платило дань кабардинским князьям Мисостовым, Джанхатовым и Атажукиным, которые попеременно управляли карачаевцами. С переходом под русскую власть, хотя карачаевцы были избавлены от данничества кабардинцам, но последние и силою вымогали и часто выпрашивали у карачаевцев баранов. Кабардинские князья домогались даже у русского правительства права на управление карачаевцами, о чем узнав, карачаевцы в 1846 г. послали совместно с дигорцами ко двору в Петербург депутацию, ходатайствуя об избавлении их от этой „опеки“ кабардинских князей“.

Для большей ясности в сословном делении в Карачае, а также для иллюстрации их правовых взаимоотношений, приводим нижеследующие выдержки, собранные в 1844 г. начальником Кавказской линии князем Голицыным, (из книги „Адаты кавказских горцев“ известн. кавказоведа и правоведа проф. Леонтовича (т. 1-й, стр. 273—279). Здесь говорится:

„Балкарцы, хуламцы, чегемцы, урусбиевцы и карачаевцы вообще закона магометанского; язык их имеет сходство с татарским; нижеследующий обряд один у всех. (Курсив наш. У. А.).

¹⁾ Том 1-й, стр. 573—574.

Разделение племен на сословия, включая и класс крепостных людей.

1. Фамилия старшин ¹⁾ (секельт или бассият):

- а) У балкарцев четыре Абаевы,
Айдебуловы,
Джанхотовы,
Мисаковы.
- б) У хуламцев одна Шакмановы.
- в) У безенгиевцев одна Суншевы.
- г) У чегемцев три Болкароковы,
Кереметовы,
Битовы.
- д) У урусбиевцев одна Урусбиевы.
- е) У карачаевцев три Крымшамхаловы,
Дудовы,
Карабашевы.

Подвластный им народ разделяется на четыре класса:
первый, в роде кара-узденей Каракиши
второй Кул
третий Казак
четвертый Караваш.

Права и обязанности каждого класса и отношения одного сословия к другому, включая и духовенство в Карачае и Балкарии.

Для произведения хлебопашества и сенокоса в пользу старшин, эти (т. е. все четыре) сословия должны дать землю и быков на время.

¹⁾ Высший класс князей доселе у многих кавказских племен называется „старшинами“, напр., у малкарцев (секельт или бассият—старшина), осетин („альдеры“ или „альдары“—буквально старшины высшего сословия) и пр. Черкесское (кабардинское) название князей „пши“ тоже буквально значит старшина (вождь народа) см.: библ. 77 и пр. (т. 1-й, стр. 412 Адагы Кавказских горцев проф. Леонтовича).

Зимой, когда режут баранов для пищи, старшина разделяет овчины между людьми, которые доставляют в дом его дрова для зимы.

В прочее время все овчины разделяются между казаками; а кулы не вправе просить части. Курпеи все оставляет у себя старшина.

Во время раздела шерсти старшина оставляет у себя белую всю, а с черной берет себе для бурки и седельных потников, а равно и для детей; остальную-ж разделяет по равным частям между своим семейством и казаками мужского пола, совершенных и несовершеннолетних лет.

Старшина имеет право для себя назначить табунщика и баранщика из кулов.

Когда старшинский сын привезет себе жену, то берет с каждого кула по одной скотине.

Женившийся старшина имеет право жену свою на теглариш отправить и оставить ее в доме каракиша, если захочет этого, впродолжение одного года.

Что жена старшины привезет из своего дома с собою, хотя бы и служанку, все должна отдать в доме каракишу, у которого оставлена.

Во время женитьбы или при взятии жены по обряду (шаоч) старшина сам является в дом каракиша, который должен для него делать пиво, а старшина дает ему одну служанку. Если служанки он не найдет, то обязан дать сполна для одного человека железных вещей: панцырь, рукавники, налокотники, ружье и пистолет; холопьям же каракиша—кому тулуков, кому веревок, и кроме того, каждому одну штуку товара для

платья, сколько может; даже служанкам их он не может не подарить чегонибудь.

По смерти старшины, когда родственники сами составляют жертвенные припасы, то режут сто баранов; каждый каракиш режет по одному барану, сверх того, по три живых барана для зареза и по одному терсуку бузы доставляет в дом старшины и кладет в то место, где лежат прочие припасы.

При выдаче дочерей каракиши дают из калыма своему старшине две скотины (подарок этот называется емчеклик, т. е. аталыкский подарок) и другому чужому старшине, которому он не принадлежит, пару быков, также в виде аталыкского подарка. Получающий его старшина должен всегда помогать каракишу в делах его. Во всяком случае, он остается тому каракишу настоящим помощником, и никто не вправе устранить старшину от дел, касающихся до взятого им.

Когда кул зарежет скотину себе в пищу, то отделяет из нее шею и половину спины; верхнюю часть спины с половинами боков он отдает старшине; это называется уга или био. Из сваренного пива господину следует один кувшин.

Кулы и казаки имеют собственные земли, подаренные им старшинами, или купленные самими; земли эти они пашут для себя и весь урожай берут в свою пользу, не отдавая из одного старшине ничего. (Курсив наш. У. А.).

Из всего избытка хлеба и скота ежегодно отделяется десятая часть по закону Магомета и

разделяется на три части: одна аульному эфендию, другая всем муллам, а третья нищим.

По согласию и по приговору с каждого дома отдается зимой аульному эфендию по барану и по одному стогу сена (стог или копна состоит из двух вьюков на лошадь), дров по одному вьюку на ишаке, летом по барану¹⁾.

**Количественное
соотношение
этих сословий.**

По статистическим сведениям Военно - Горского Управления при Кавказском округе в 1863 г. (Сборник сведений кавказских горцев,²⁾ количественное соотношение зависимых сословий в Карачае — кулов-пшитлей, кулов-унаутов и свободных, т. е. каракиши в Эльбрусском округе выражалось в следующих цифрах: 1) свободных сословий — 13,083 душ обоего пола, 2) кулов-пшитлей — 2.150 душ обоего пола, 3) кулов-унаутов — 780 душ. Как видно из этого в процентном отношении свободные сословия, т. е. каракиши — составляют 80 с лишним $\frac{0}{100}$ всего населения Карачая, а последние два зависимые сословия около 16 $\frac{0}{100}$. Те же данные получаем мы из отчета в подлиннике, хранящемся в Карачае и ныне, документе Начальника Эльбрусского (Карачаевского) военного округа Кубанской Области, известного в Карачае, под именем „Зукку пристоп“ — Петрусевича за 1866 г. — о народонаселении и сословном разделении этого округа. По этим дан-

¹⁾ Нами приведены здесь наиболее характерные пункты о правовых взаимоотношениях из выше упомянутой книги проф. Леонтовича. Изд. 1882 г.

²⁾ Изд. Тифлис 1868 г. стр 5-54, выпуск 1-й.

ным значится всего населения—15816 душ¹⁾, из них свободных сословий: каракишей 13030, кулов-пшитлей—2.142, кулов казаков-каравашев (унаут)—644. В процентном отношении эти последние два сословия приблизительно составляют тоже самое около 16⁰/₁₀₀ с лишним, а остальные свободные сословия, если оттуда вычесть около 1⁰/₁₀₀ на долю, т. н., карачаев.—владельцев-таубий, то 80 с лишним ⁰/₁₀₀ приходится на долю каракиши, свободного крестьянского сословия. Позднее эти процентные соотношения могли до некоторой степени колебаться, потому что более зажиточные кулы большей частью женились на женщинах из каракиши, а иногда даже на тауби. Кровное смешение каракиши и кулов настолько участилось, что нет в Карачае ни одной фамилии из каракиши, не связанной с кулами или наоборот,—кульской фамилии, не породнившейся с каракиши (карауздениями). Но в общем, это явление не носит все же массового характера, а большей частью зависит от имущественного состояния. Богатый кул всегда мог жениться на бедной каракиши, но не наоборот—богатый кул никогда не выдаст своей дочери за бедного каракиши и встречает иногда сопротивления со стороны зажиточной части населения каракиши. Кульское сословие в большей части находилось в зависимости от карачаевских владель-

¹⁾ Цифра 15816 душ вполне правдоподобна на 1866 г., так как о карачаевцах по научным исследованиям установлено, что они на каждые 30 лет размножаются на 100⁰/₁₀₀, так что карачаевцы в настоящее время составляют 60 тысяч душ, что с лишним вполне совпадает с этим ростом.

цев—старшин таубии, но зажиточные каракиши, а нередко и зажиточные кулы, в свою очередь, имели своих кулов, купленных, ими превращенных в рабов унаутов (лиц состоящих в рабстве у кулов, называли „кулнукулы“). Кроме названных сословий, в Карачае имели место и такие сословия, как: „чанка“, образовавшиеся от неравного брака, от смешения таубиев (из сословия белой кости) с кулами или каракиши (сословием черной кости); затем „Азаты“—из вольно-отпущенных кулов; но как те, так и другие в незначительном количестве. В состав сословия, так называемой, белой кости, т. е. таубии в Карачае входили фамилии: Крымшамхаловы, Дудовы, Карабашевы, Айсандуровы, Кожакеры, Джараштиевы, в общем их около 1⁰/₆ населения Карачая. Сословие это и по ныне старается сохранить „замкнутый брак“ в целях сбережения своего „благородного происхождения“, не смешиваясь кровно с сословиями черной кости, т. е. с кулами и с каракиши. Наоборот кровная связь между кулами и каракиши, как выше упомянуто, гораздо сильнее. Последние два сословия являлись и основными производственными классами в Карачае, а сословие таубии (белой кости) считало для себя унижением заниматься черной работой. В Карачаевской действительности основными эксплуататорами остальных сословий черного народа—кара-халк являлись так называемые владельцы Карачая — таубии.

Так, например, владельцы Карачая Крымшамхаловы—ничтожное количество людей, не достигаю-

ших до $1\frac{1}{2}\%$ населения Карачая, — владели до 3145 д. удобной земли при условиях карачаевской голодной нормы, где земля среднего горца чуть-ли покрывается размером его бурки (как говорил в Гос. Думе Караулов о земельном голоде горцев). Сословия таубия именно являлись владельцами черного народа Карачая (как кулов, так и каракиши); конечно, их не в одинаковой степени эксплуатировали, как это ими же указывается в историческом документе Карачая — в обращении их покорившему Карачай генер. Эмануэлю октября 1828 г., где говорится дословно: Его превосходительству командующему войсками на Кавказской линии и т. д. Георгию Арсеньевичу Эмануэлю от Карачаевских владельцев, ниже подписавшихся и от черного народа. (Курсив наш. У. А.). Под черным народом Карачая они здесь подразумевали кулов и каракиши (карауздень).

Они смотрели свысока не только на кулов, но и на каракиши, давая им всякие прозвища или составляя обидные поговорки, как например, что „карауздень“ то „кара-эшек“ (черный осел), т. е., что черный народ и черный осел одно и то же. В столкновениях с князьями кулы и каракиши всегда держались дружно и когда раздавался клич „Карахалк-коп“ (вставай черный народ), то на этот клич смело шли кулы с каракиши против князей. Благодаря этому сословная вражда между каракиши и между кулами в Карачае в историческом процессе не имела того характера антагонизма, как это замечалось у других народов.

Характерно указать, что когда, во время освобождения крепостных в Кубанском округе в 1866 г., в Карачае по достигнутым добровольно соглашениям освобожденных составилось более полуторы тысячи душ, т. е. около 60% всех зависимых сословий,—в то время в соседних (черкесских) округах такое освобождение совершилось только десятками и единицами. Так, например, в Лабинском округе был всего 21 случай, т. е. меньше 1/2%, а в Псекубском—130, т. е. около 6% всех зависимых данного округа¹⁾.

Освобождение зависимых сословий горцев Кубанской области. Освобождение крепостных в 1861 г. по всей России невольно отразилось на освобождении зависимых сословий среди горских народов.

Это освобождение запоздало среди кубанских горцев на 3 года. При освобождении руководствовались следующими правилами, установленными русским правительством²⁾:

1) Все разных наименований горские зависимые сословия в Кубанской области приобретают свободу, с обязательством или отбывать своему владельцу, в течение не свыше 5 лет (для пшитлей) и 4-х лет (для унаут), установленные обычаям работы и услуги, или внести вместо этого выкуп в размере, смотря по полу и возрасту: от 15—150 рублей (для пшитлей) и от 20—200 руб. (для унаут); дети, моложе 7-ми лет, и старики освобождались безвозмездно.

¹⁾ Сборник сведений о кавказск. горах, выпуск 1, стр. 56. Изд. 1868 года, г. Тифлис.

²⁾ См. тот же сборник.

2) Уплата, взамен отбывания работ, определенной суммы может быть рассрочена до 6 лет со дня освобождения.

3) Выбор того или другого способа удовлетворения владельца предоставляется обоюдному соглашению освобождающегося с владельцем, а при несогласии их определяется посредником.

4) Для утверждения выкупных сделок и для разбора недоразумений, споров и жалоб, могущих возникать между владельцами и освобождающимися, назначаются особые лица, в качестве мировых посредников, действующие на основании данной им инструкции.

Из предыдущего видно, что в Дореволюционные формы землепользования и землевладения в Карачае. Карачае до 1866 г. имело место проникновение рабовладельческого строя, под влиянием могущественного соседа - кабардинцев.

Рабовладельческий строй, свойственный патриархально-родовому укладу, отличается от крепостного строя, являющегося продуктом другой эпохи—эпохи феодализма, тем, что эксплуатация человека в первом не связана с землевладением, а источником рабства служили войны, доставлявшие пленных, обращенных в последствие в рабов.

Как мы указывали выше, карачаевцы и поныне не вышли из патриархально-родового строя, однако, считаем необходимым остановиться на форме их землепользования и землевладения в дореволюционное время, для характеристики их прошлых экономических и классовых состояний, так

как и в этом отношении некоторые элементы эксплуатации в Карачае в основе своей имели место и обуславливались интересами землевладения и землепользования. Конечно, в условиях карачаевской действительности, где пахотные земли едва достигают 1% удобной земли, а покосные земли, в большинстве своем, принадлежали всему народу, пастбища-же и леса—являлись целиком общенародным достоянием,—не могла иметь места форма помещичье-дворянского землевладения (за исключением владельцев Карачая таубий)¹⁾ не только по примеру русского дворянства, составлявшего около 1% населения, но владевшего таким же количеством земли, каким владело русское крестьянство (составлявшее 99% всего населения), но и по примеру их ближайших соседей кабардинцев-черкесов, где отдельные помещики имели удобной земли (покос и пахоты) больше, чем весь карачаевский народ. Так, например, как мы указывали выше, в Кабарде Бекович-Черкесский владел около 100.000 десятинами удобной земли, а вся Кабарда была разделена между 4-мя княжескими фамилиями.

Как видно из трудов правительственной Комиссии, обследовавшей землепользование и землевладение карачаевского народа в 1906—1907 г. (Абрамовской Комиссии), топографические и климатические условия Карачая не допускали развития хлебопашества, как главного средства к жизни

¹⁾ Мы выше указывали, что они в условиях земельного голода Карачая были помещиками.

населения, и поэтому единственным источником существования его являлось скотоводство.

„С самого начала прихода карачаевцев в Кубанскую долину, констатирует Комиссия, они нашли ее пустыней и покрытую лесом: пустыня требовала расчистки от леса и камней, под распаху и сенокос. По одним рассказам, земля в самой долине была разделена по количеству семей пришельцев; по другим же—она была занята отдельными родами или фамилиями. При чем земли вне черты поселения занимались свободно всяким желающим, в зависимости от числа, рода и количества имеющегося в наличии скота. Формы землепользования и землевладения в старом или большом Карачае—смешанные: подворные и общинные. Первые относятся к трудовым пахотным участкам, покосным землям и усадебным местам. Вторые же относятся к пастбищным и лесным пространствам, которые находятся в общественном пользовании селений. Кроме того, наблюдается право пользования отдельных членов карачаевского общества участками разных угодий, под названием кышлыков, эксплуатируемых ими на правах обычной собственности. В сельских же обществах Нового Карачая—все земельные угодья, кроме усадебных мест, состоят в общинном пользовании“.

Первоначальный порядок образования существующих форм землевладения и землепользования, говорит Абрамовская Комиссия, установился такой: первые поселенцы, заняв свободные земли, приступили, главным образом, к расчистке новин, что

совершалось коллективным трудом об'единенных обществ, родов или фамилий— „тукум“, и каждый отвоеванный у природы клочок земли делился по числу трудившихся семей и становился, по воззрениям горцев, неотъемлемой собственностью каждого рода или фамилии, освященной народными обычаями. Остальные пространства обращались в выгонные пастбища; население пользовалось ими, как народным достоянием, на общинном праве и эти земли впоследствии не подвергались никаким изменениям.

**О частновладельческих
землях Карачая
„кышлыках“.**

„Земли, занятые „кышлыками“, свидетельствует Абрамовская Комиссия, по своей площади удовлетворяют только мелкие скотоводческие хозяйства. Более же крупные скотоводы-овцеводы, за невозможностью заготавливать зимние корма в этих „кышлыках“, содержат свой скот на арендованных плоскостных землях, оставляя в „кышлыках“ самое ограниченное количество скота на зиму. В экономической жизни горца „кышлыки“ имеют такое же значение, как и усадьба, в которой он сохраняет свой домашний скarb и который служит для его семьи местопребыванием“.

„Характерно, отмечает Комиссия, что с об'явлением графа Евдокимова в 1862 году о предоставлении всему карачаевскому народу определенного пространства земли, эти частные собственники не домогались выделения из карачаевской территории своих родовых участков; затем во время действия временной посреднической

Комиссии, учрежденной в 1864 году, для разбора земельных прав кабардинцев, карачаевцев и абазинцев, эти владельцы не представили Комиссии своих прав на землю (кышлыков) и не ходатайствовали перед Комиссией о разборе их прав на землю, так и о закреплении за ними таковой“.

В заключение Комиссия устанавливает: „Исходя из этого, можно прийти к заключению, что лица эти в силу последовавшего правительственного распоряжения (в 1862 г.) потеряли свои права на обладание землей и разбор этих прав в настоящее время может быть разрешен в отрицательном направлении“. (Курсив наш. У. А.).

Признавая вполне правильным, по условиям тогдашнего времени, означенное заключение Комиссии, в смысле отрицания прав отдельных членов Карачаевского общества, на эти земли „кышлыки“, мы считаем необходимым остановиться на характеристике дифференциации землевладения владельцев этих земель, которые в общей массе, за исключением влад. Крымшамхаловых и др., так назыв., карач. владельцев, далеко не подобны помещичьему дворянскому землевладению, по примеру русских или кабардинцев-черкесов, а является в громадном большинстве своем трудовыми участками.

Как видно из трудов означенной правительственной (Абрамовской) Комиссии (см. стр. 54-55—1906—1907 г.) общая площадь удобной земли в Карачае в дореволюционное время считалась всего, с частновладельческими землями—237095,5 десятин. По угодьям она распадалась следующим

образом: пашен—4300 десятин, покосных—43321, выгона—36314, летних пастбищ—79808, леса—74073,5. Из этих угодий частновладельческих приходилось площади: пашен—43 дес., покосов—13981, выгона и пастбищ—11813, леса—4872,5. Всего удобной земли—30709,2 десятин, что составляло по отношению к общей удобной земле Карачая—около 14%, колеблясь по отдельным угодьям: в отношении пашен—1%, покоса—около 26%, выгона и пастбищ—около 10% и леса—5%, при чем эти 30709,5 десятин частновладельческих земель принадлежали 126-ти фамилиям, семьям и родам, в том числе почти единственным в основном Карачае помещичьим землевладельцам Крымшамхаловым, бывшим владельцам Карачая, которые, по данным Абрамовской Комиссии, владели около 3145 десятин удобной земли, т. е. около 10% всех частновладельческих земель Карачая, тогда как они сами не составляли и 1/2% населения Карачая и этих владельцев.

Характерно при этом отметить, что более 80% всех, так называем., „землевладельцев“ Карачая владеет от $\frac{2}{3}$ до $\frac{1}{2}$ десятин на душу, что составляет 80% без малого всей площади частновладельческих земель, затем следуют группы более „помещичьи“, с наделом от $\frac{1}{2}$ до 3-х десятин. Таких—5,4%. Они владеют 16,3% площади, и т. д. При этом нельзя забывать, что по качеству (по урожайности) 3 десятины горных местностей, приблизительно, равняются 1 десятине плоскогорья. Конечно, при та-

ких условиях дифференциации землевладений, говорить о „помещичьих“ землевладениях в Карачае, за теми исключениями, не приходится¹⁾.

Патриархально-феодалыные и эксплуататорск. элементы в Карачае. Вассалы кабардинских сюзеренов в Карачае, горские „таубии“, которые, в отличие от остального „черного“ народа, именовали себя сословием „белой кости“ и больше всех держали в зависимости „кулов“ и „каравашей“, исторически были в Карачае полными господами положения и от них зависело все внутренние распоряжки Карачаевской общины.

Несмотря на то, что они в 0/0/0 отношении составляли незначительное число (около 1^{0/0}), всего шесть фамилий (Крымшамхаловы, Карабашевы, Дудовы, Каджаковы, Карамурзины и Джараштиевы), они являлись именно помещичьим слоем в Карачае, на рентные доходы от своих земель жили большей частью и никогда не являлись производительным классом, а лишь только эксплуататорским. Для человека „белой кости“ воспрещено было смешение крови с кровью сословия „черной кости“, т. е. как с кулами, так и с „карауздениями“. Равным образом для них считалось унижительным заниматься всякой черной работой.

За ними следует как эксплуататорский элемент уже другая группа ростовщических элемен-

¹⁾ В эти расчеты не входят землевладельцы в небольшой группе лиц, как например Байчоровы и Узденовы и проч., приобретавшие в недавние годы до революции за пределами Карачая, на Тереке и Кабарде, кабардинские и казачьи помещичьи земли, как земли не входившие никогда в общую площадь—территории Карачая.

тов крупных скотоводов, чрезвычайно эксплуатировавших трудящиеся массы.

В 1914 году обычный $\frac{0}{100}\%$ („Козлау-ахча“ — ростовщичество), при займе денег составлял в Карачае 60% годовых. Ростовщицеством занимались богатые карачаевцы, а также местные торговцы — грузины, евреи и серебряки — кумыки. Обыкновенно на каждые 10 рублей долга, насчитывалось 50 к. проц. в мес., что и составляло 60% годовых. Проценты чаще всего брали натурой, разными продуктами; при этом должник зачастую попадал в кабальные отношения к кредитору. В один прекрасный день приходили к должнику кредиторы и говорили: „у нас дрова кончились, надо принести нам дров“. Должник должен был отправляться в лес, нарубить и привести 2—3 воза дров. Затем новый визит и новые поборы: „нам нужно зарезать барашка, но нигде не можем найти продажного“; должник, без разговора, резал для кредитора своего барашка, иначе ему грозила немилость кулака-кредитора, а расходы эти в счет расчетов не принимались, а лишь только побочные $\frac{0}{100}\%$.

Чрезвычайно уродливые формы эксплуатации имеются в Карачае в отношении пастухов, эксплуатируемых крупными скотоводами на разных видах ортачного права, которые зачастую имели у себя батраков „карын-джалчи“, т. е. служивших за прокормление себя. Другими формами эксплуатации владело в Карачае духовенство, знахари и хироманты, бабки, знахарки и др. Муллы-дармодеды чут-ли не ежегодно присваивают под видом

закона Магомета 10% всей продукции земледельцев „гушр“ и 3% всего скотоводческого хозяйства—„зекат“, что составляет несколько сот тысяч рублей в год, а между тем они, т. е. духовенство, не только по этим двум источникам, а по целому ряду способов—фидр, курбан-байрам, поминки и др.¹⁾ так эксплуатируют темные правоверные массы, что полного дохода нельзя определить. В Кабарде один год урезки от доходных статей духовенства—„гушр“ в пользу КОВОВ—1925/26 г. составляют более 400 тысяч руб., что чуть ли не равно 50% всего местного дохода бюджета Кабарды в год. Судите сами.

В особенности уродливую форму эксплуатации приняла у духовенства -- элементов культа дариката легкой наживы шейхов, мюридов, в роде Дагестанских гастролеров, приезжавших в Карачай за легкой наживой, эксплуатировавших многих карачаевцев не только имущественно, но и их жен и дочерей. Эксплуататорские элементы ростовщиков, а также клерикальные элементы составлялись в Карачае не по сословным признакам, а образовались независимо от белизны или черноты кости.

Дифференциация скотовладения в Карачае. Как видно из приводимой ниже таблицы, состояние скотовладения в Карачае на 1926 г., его дифференциация, в Карачае зашли очень далеко: бедняк и кулак имеют более резкую выявлен-

¹⁾ Эти „непредвиденные“ расходы горца в его годовом бюджете зачастую составляют в несколько раз больше его официальных (налоговых) расходов, а куда же они идут?

ность физиономии, чем в соседних горских земледельческих Авт. Областях.¹⁾

Группы на 1926 год.	0/00/0 количества общ. хозяйства	0/00/0 количества скота от общег.
До 5 голов	48	15
От 5 до 20 голов	43	47
От 20 до 40 голов	6,6	19,5
От 40 и выше голов	2,5	18

При этом нужно указать на то, что эта дифференциация населения ни в какой мере не совпадает с сословными признаками.

Вредные уклоны, извращающие политику партий в сословном вопросе в Карачае.

Сделав краткий исторический анализ состояния и происхождения сословных лестниц вассалитета до освобождения зависимых сословий (1866 г.), также форм землепользования и землевладения в дореволюционное время в Карачае, необходимо остановиться на положении его в экономическом и правовом отношениях после 1866 г., в целях установления выводов, насколько сослов-

¹⁾ Если исходить из расчета Обл. Плановой Комиссии Карачая и придерживаться прожиточного минимума в 48 голов крупного рогатого скота на одно хозяйство, или 8 голов на 1 едока, как это указывается там-же, то выходит, что маломощные и бедняцкие хозяйства составляют 91% общего количества хозяйства и имеют 62% общего количества скота. Средняки составляют 6,5% и владеют лишь 19,5% скота, кулаки соответственно составляют 2,5% и владеют 18,24%. При таком положении почти затериваются середняки, составляя 6,3% к общему количеству хозяйств.

48 голов крупного рогатого скота на одно хозяйство, как прожи-

ные группировки совпадают с классовыми состояниями в настоящее время и насколько правы те, которые хотят, в условиях карачаевской действительности, сейчас, во главу угла, поставить сословный вопрос вместо классовых принципов в деле советского и партийного строительства. Они тем самым разжигают сословную рознь между трудящимся населением Карачая, „карахапка“; между сословием — „каракиши“, составляющим более 80% всего населения в Карачае, и между сословием „кулов“ и „каравашей“ (составляющими в общей массе около 16% населения).

Мы не говорим о том, что бывшие „таубии“, владельцы Карачая, так называемые „чистокровные“ люди из сословия „белой кости“ (ничтожное количество людей, в общей массе составляющих около 1%), которые под влиянием и при содействии кабардинских сюзеренов-князей были искусственно привиты к живому первородно-демократическому организму основной массы трудящихся аборигенов Карачая, были своего рода кровососными пауками, служившими в роли вассалов названных князей в Карачае, и которые исторически и фактически как в экономическом, так и в правовом отношении, эксплуатировали и угнетали все остальные сословия „карахапка“ как

точный минимум, на первый взгляд кажется много преувеличенным но если принять во внимание, что скотоводство в условиях Карачая чрезвычайно экстенсивно и малопродуктивно, то можно полагать, что этот минимум соответствует реальным обстоятельствам. Что касается факта накопления наличия этого количества, то это происходит за счет всемерного сокращения минимальности нормальной жизни и полуголодного существования.

кулов, так и каракиши (карауздений), которые по этому достойны должного возмездия. В тенденциях некоторых работников (искусственное разжигание сословной розни не между карахалком и этими владельцами, а между кулами и каракиши—карауздени внутри самого карахалка) мы видим глубокое нарушение тактики и ленинской политики партии и учения ленинизма, а самое главное, эта тенденция квалифицируется на 10-м году революции „молодыми коммунистами“, в смысле стажа, искусственно сверху; а в низах, в самой гуще широких масс, этого нет. Характерны в этом отношении слова тов. Байкулова, одного из старейших партийцев Каракая, из тех же сословий кулов, который, осуждая этот уклон, категорически подтвердил, что отдельные лица в борьбе за „портфели“ искусственно сверху надстраивают сословную группировку, между карахалком, между кулов и каракиши.

Вообще методы сословной розни, являющиеся методами буржуазной революции, задерживают и затушевывают классовое самосознание и дифференциацию народа, находящегося на пути от средневековья к буржуазной демократии. Ильич говорит: „тут надо дожидаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которые неизбежны... И сделать это надо осторожно, чтобы своим вмешательством не задержать тот самый процесс дифференциации пролетариата, который мы должны ускорить“. Но методы сословной розни именно задержи-

вают тот самый неизбежный процесс дифференциации, о котором говорил Ленин.

Ленин говорил: „смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества, значит нарушать самым грубым образом не только все декреты советской власти, и всю политику, но и все основные принципы коммунизма, указывающие на соглашение пролетариата с средним крестьянством в период решительной борьбы пролетариата за свержение буржуазии“.

В отношении вопроса объединения трудящихся масс всех восточных областей, для окончательной ликвидации феодально-патриархальных отношений в среде самих ранее угнетенных народов, и для приобщения их к коммунистическому строительству, X С'езд РКП (б) высказался так: „первым шагом политики классового расслоения на восточных окраинах должно быть отстранение всех туземных эксплуататорских элементов от влияния на массы, борьба с ними во всех органах советского самоуправления, лишение их классовых привилегий, путем самоорганизации туземных масс в Советы трудящихся“. Мы старались выявить здесь все феодально-патриархальные элементы, культа и дариката, а так же крупных скотоводов-ростовщиков, образующихся не по сословному признаку, против которых нужно вести борьбу.

В отчете Карачаевского Обл. Орг. Бюро ВКП(б) к октябрю 26 г. указывается (что характерно привести для иллюстрации):

„Как известно, особенностью Карачая является деление на сословия и наличие сословных трений. Свою классовую близость, чутье, в этой борьбе с особенной яростью обнаруживают кулацкие верхушки Карачая, независимо от сословного происхождения. В целях обеспечить себе доминирующее влияние в низовых кооперативах и проч. хозяйственных органах, они жертвуют всеми сословными и прочими условиями, как например, имеют место факты, когда кулаки обоих сословий, заранее сговорившись, проходят разными путями в Правление кооперации, с тем, чтобы держать в покорности кооперативную массу из обоих сословий. Надо отметить, что местами в этой политике кулаки не безуспешны, ибо сословные симпатии и спайка еще сильны в Карачае. Одним из факторов, тормозящих расслоение карачаевской деревни, является именно наличие сословных делений, еще не совсем изжитая психология подчинения зависимого состояния (в экономическом и правовом отношениях) бедноты, а в особенности бедноты из бывшего кульского—холопского“ сословия (от зажиточных, кулаков-кулов. У. А.).

В заключение считаем не лишним привести мнение представителей авторитетных органов Края, обследовавших в этом году, между прочим, и этот вопрос на ряду с другими обследованиями. Так, например, прокуратура Карачая, по заданию Краевого Прокурора производившая обследование, в частности по данному вопросу, излагает следующее:

„Подчас отдельные работники сами сознательно и несознательно смешивают классовую борьбу с сословной борьбой, внося эту борьбу в массы. Имели место случаи, в особенности в первое время организации Соввласти в Карачае, когда некоторые ответственные работники на митингах открыто заявляли, что раньше было господство одного сословия, а теперь пришла пора господствовать другому сословию. При этом они заманивали и затуманивали в сознании темной массы классовость борьбы. Несмотря на все это, сословная вражда в КАО не имеет тех результатов и той формы, какие имели место в соседней Черкесии. Это объясняется процентным соотношением сословий в Карачае и историческим ходом взаимоотношений этих сословий. Когда в Черкесии и Кабарде кулы составляют 70-80%, княжеская и узденская часть составляет 20%, а в Карачае кулы и князья (два крайних сословия) составляют 20%, а кара-уздени—80%. При том кара-уздени не пользовались никакими имущественными и правовыми привилегиями перед кульским сословием. По своим имущественным положениям кулы нисколько не стояли ниже кара-узденей. Единственная разница, которая была между кулами и кара-узденями—это идеологическая. Карауздени свысока смотрели на кулов, не хотели выдавать своих дочерей за кулов и не хотели брать их дочерей замуж за своих сыновей, но материализм и здесь взял свое; как они этого не хотели, все-же были частые случаи, когда они роднились. Богатый кул всегда мог

добиться женитьбы на караузденьке, если она была ниже по своему имущественному положению. В то же время караузденни с пренебрежением относились к князьям, называя их „чанка“; вражды у кара-уздень к князьям было больше, чем к кулам, ибо их угнетали князья. В столкновениях с князьями кулы и караузденни были вместе и когда раздавался клич „кара-халк-коп“, т. е. вставай черный народ—под этот клич всегда присоединялись кулы и шли вместе с караузденнями против князей; благодаря этому, сословная вражда в Карачае не принимала той острой формы, которая имела место в Черкесии и Кабарде, тем не менее этот вопрос требует и в Карачае самого серьезного к себе внимания“.

Было-ли в экономическом и правовом отношении между каракиши и кулами различие до революции?

В дореволюционное время, эти два сословия — каракиши (караузденни) и кулы ни в правовом отношении и ни в землепользовании не отличались. Контрреволюция, грозившая крестьянство в Кабарде, не знала сословного деления и не руководствовалась этим в Карачае.

Как видно из данных правительственных обследований Карачая (Абрамовской Комиссии), где значителен, что на душу населения приходилось приблизительно: в Большом Карачае (где более компактно живут каракиши) в среднем: пашен — 0,11 десятины, покосов — 1,50 дес., выгона — 0,40; а в Малом Карачае (где более компактно жили кулы) приходилось: пашен — в среднем на душу — 0,40 дес., покоса — 3,30 дес., выгона около 2 дес.

Как видно из этих данных, кулы не отличались от каракиши в отношении землепользования и наоборот, находясь в большинстве своем в Малом Карачае, пользовались выгодными условиями Малого Карачая, превышающего в этом отношении подушный надел Большого Карачая.

Такая форма землепользования существовала в Карачае, начиная с 1866 г., с момента освобождения зависимых сословий, и переселения их в Новый Карачай по день революции. Как видно из нижеследующих данных дореволюционного времени, мы видим в Большом Карачае, где более компактно живут сословия „каракиши-карауздень“, социальное положение внутри них дифференцируется очень наглядно. Количество скота между дворовыми хозяйствами, как это выяснилось, из подворных записей, распределяется крайне неравномерно: встречаются дворы, имеющие от 2500 до 20 овец, но в общем 40% дворов не имеют овец, рогатого скота от 500 до 1 головы, а 3% дворов не имеют вовсе рогатого скота; лошадей от 350 до 1, а 20% дворов совершенно без лошадей. Эта дифференциация главным образом среди каракиши.

Никто не станет отрицать факта, что кулы до 1866 г. как в экономическом, так и в правовом отношении были в тяжелом рабском положении. Положение „каракиши“ до этого сравнительно было лучшее, но факт тот, что и они тоже были данниками Кабардинских князей, хотя и считались лично свободными. Ни один из „каракиши“, как мы выше указывали, не вправе был помешать любострастному князю переночевать с

его женой или сестрой, если это понадобилось бы—это было право первой ночи, установленное, обычно, для крепостных. Это значит, что „каракиши“ не пользовались фактически личной свободой. Что касается владения частью из них кулами, то это зависело от имущественного состояния. Во-первых, не все каракиши имели кулов, во-вторых, многие богатые кулы тоже покупали себе рабов — кулов.

Источником образования кулов — служила война; военнопленные, кто бы они ни были,— кулы или каракиши, превращались тогда в рабов.

Краевой Комитет Партии (Бюро) в своем заседании от 31/XII-26 г. по карачаевскому вопросу дал указание:

„Во внутрипартийной работе главное внимание обратить на решительное изживание болезненных явлений в организации (склоки, групповая борьба), на сплочение и воспитание партийного актива, добиваясь ликвидации группировок в организациях, использующих пережитки сословной розни в своих групповых интересах (курсив наш), а также выдвижение новых кадров актива из рядовых членов партии“.

Этим нужно твердо руководствоваться.

Для большей ясности и убедительности мы приводим выдержки из речи тов. Чудова — генерального секретаря Севкавказкома ВКП(б) по этому же вопросу:

„Надо дважды помнить, что сейчас, на территории Карачая, вся работа будет лежать на этих

двух группах (каракиши—карауздени и кулы). И ни в каком разе нельзя облокотиться на одну из этих групп,—и партия не облокотится никогда.

Сословная группировка не наша группировка, не марксистская.

Это нужно всем помнить твердо навсегда. Само собой понятно, что сословная группировка вообще, не наша группировка, не марксистская.

Перед парторганизацией Карачая надо поставить резко вопрос в такой плоскости: соблаговолите, товарищи, принять к руководству, что Вам не разрешается — ни одной стороне — разжигать сословную рознь и что за всякое разжигание, с чьей бы это стороны не было, будет хорошая встряска, потому что разжигание ни в какой мере не находится в интересах нашей партии. Наша задача: повнимательнее посмотреть и перейти на классовую основу, а не группироваться по сословному признаку.

Группировка в партии не терпима и дважды вредна — по сословному признаку.

Нужно четко и ясно сказать товарищам (карачаевцам), что всякая группировка, в принципе, в партии не терпима и дважды вредна, когда она группируется по сословному признаку. В этом деле Крайком Партии не может терпеть того,

чтобы продолжалась такая группировка дальше. Само собой понятно, в общей политике Крайкома мы должны учитывать это и не должны создавать таких положений, чтобы, хотя-бы косвенным образом, та или иная группа могла истол-

ковать иначе наши решения и стремления — выжить тех или иных работников.

В будущем, каждого из товарищей, который возглавляет ту или иную группировку, если-бы он пошел против решения Крайкома, за это надо основательно взгреть“.

ЧУЖЕЗЕМНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ГОРЦЕВ ИСЛАМА, ЦАРИЗМА И ПР.

**Влияние ислама
и царизма на гор-
цев.**

Говоря об общественно - историческом развитии горцев вообще, мы должны остановиться на влиянии на них ислама и царизма, как двух китов исторического океана развития горцев, совокупное действие которых и создало те общественно-исторические и культурно-экономические особенности горских народов, какие наблюдались к моменту Октябрьской революции.

**„Цивилизатор-
ские“ миссии
ислама и цариз-
ма.**

„Русское господство“, — писал Карл Маркс в письме к Фридриху Энгельсу от 23 мая 1851 г., „при всей его гнусности, при всей его славянской неприятности имеет цивилизующее значение для Черного и Каспийского морей, для Средней Азии, для башкир и татар“ — образование городов, распространение сети железных дорог, некоторая индустриализация страны (Бакинская нефть и проч.). Так и ислам при всем его фанатическом дурмане, теократическом учении, фатализме и пр., прокатываясь с Аравийского полуострова огненными потоками по горам Кавказа, впервые наложил на восточных гор-

цев (Дагестанцев), целые тысячелетия разрозненных, некоторый отпечаток гражданского устройства, даже печатное слово и письменность. Также эту миссию проводили среди западных горцев носители христового учения—византийские купцы в средние века.

Появление ханства. Халиф Омар (634—644 г.г.) огнем и мечем—Джихат—распространявший ислам далеко за пределы Аравии, Византии и Персии и, овладев Закавказьем и Азербайджаном, учредивший казначейство и „диван“, сохранил хорошо заведенную бюрократическую машину персов. В покоренных странах поставил „хана“—наместника-патриарха и рядом с ним „кадиев“ (специальных судей)—духовных жрецов.

Первым „ханом“ восточных горцев становится Муслим—брат Аббасидского Халифа Абдул-Мелика, покорившего Дагестан и далее хазарское владение (по Северному Кавказу) с резиденцией в Дербенте (запирающий горный проход, заменяющий ворота) в 64 году Геждры (684 г. по Р. Х.).

Персы-мусульмане, сделавшись главными работниками и руководителями во всех отраслях жизни халифов, внесли в нее, под мусульманской внешностью, свой собственный бюрократический строй. И тем самым первоначальный вид ислама, проповедовавшего равенство всех правоверных, без различия племени и расы, отвергавшего все нравы и обычаи, основанные исключительно на племенной розни и провозглашавшего терпимость

и кротость, уступает мало-по-малу обычаям и надстройкам персов.

Так устанавливается впервые оттенок гражданского устройства первоначально в той форме, что он подчинил горцев наследственным владениям, которые только могли с ними сладить, не опасаясь мести за кровь.

Характерной иллюстрацией этому служит Дагестан, где первое княжество было основано под именем Шамхальства¹⁾ арабами в Казикумухе и Тарках. Отсюда магометанство распространилось по всему Кавказу и повлияло на политический строй горцев, вызвав сословное деление, в связи с зависимостью от Персии. В Казикумухе против шамхальской власти открывается поход. Резиденция шамхалов переносится в Тарки. Казикумухцы отложились от тарковцев и выбрали себе особого правителя под названием „халхавчи“ (избираемого старшинами и выборными от каждого селения; требовалось, чтобы выбираемый был из шамхальской фамилии). С упадом шамхальства стоит и возникновение кайтагского уцмийства. Уцмий избирался народным сходом из совершеннолетних, от 20 до 50 лет. Выбор ограничен был членами определенной династии. Власть уцмий была ограничена народным собранием и неограничена только в военное время. Мехтулинское ханство образовано по инициативе Мехти, члена Кази-Кумухского ханства и упразднено русским окружным управлением в 1860 году. Султанство Елисуйское,

¹⁾ Шамхан от слов: „шам“—сырые, „хан“—князь—пamестник.

возникло одновременно с Мехтулинским ханством в XV веке. Тухумы выбрали общего правителя из среды прибывших в Цахур на жительство беков или дворян. В начале XVII века цахурцы перебили беков. От бежавшей бековской жены в Элису родился сын, который сделался основателем Элисуйского султанства, сохранившегося до 1844 года.

До появления этих государственных образований в Дагестане не было сословий.

Равным образом, до появления ханства не было сословий: были только рабы из военнопленных (кули, караваши), из неоплатных должников.

Таким образом, в Дагестане во главе народа стояли шамхалы, халхавчи, ханы, султаны и беки; ниже — класс крепостных — покоренные горцами туземные племена (грузины, ингилойцы и монголы — муганлы), евреи.

Распространение ислама. Ислам появился на Кавказе с двух сторон. Если восточным горцам, бывшим язычниками (народам Дагестана, Чечни и др.), привит был ислам еще в VII веке, при халифе Абдул-Мелике Аббасидском,

то к западным горцам (черкесам, кабардинцам и др.) ислам проник в XVII—XVIII в. спустя десять веков, при турецком султани Мураде IV, который приказал крымским ханам Девлет-Гирею и Казн-Гирею непременно распространить ислам между кавказскими горцами. Ислам застал этих горцев уже христианами, на что указывают как некоторые обычаи населения, так и развалины

церквей; хотя в общем трудно назвать христианством тот религиозный конгломерат-идей, который исповедывали черкесы, кабардинцы, строившие церкви и одновременно поклонявшиеся священным деревьям. Распространителями христианства были и греки и грузины—в период существования Абхазо-Грузинского царства, а в области Осетии— грузины Карталинии.

Ханы двинулись из Крыма с многочисленными полчищами татар насаждать магометанство у черкесов. Они, проходя по Кубани, дошли до р. Белой и разбили свой стан в том месте, где находится теперь Ханская станица, получившая от этого свое название.

Отсюда татары начали распространять исламизм по всему Северному Кавказу.

Самый стан их обратился в сборище веселья и разгула. В ханский стан услужливая черкесская и кабардинская аристократия гнала в большом количестве скот и лошадей, приводила женщин и мальчиков и сама вела разгульную жизнь. Поэтому и ближайшее к ханскому становищу место татары называли „Майкоп“, что в буквальном переводе означает „много масла“, а в вольном, иносказательном— „как коту масленица“. Таким образом, видим, рай Магомета с его гуриями начинался для местного населения как бы с урочища Майкоп, на котором возник потом город того-же наименования.

Адыгейские племена (черкесы и кабардинцы) до того времени, начиная с VI века по Р. Х., были христианами, благодаря „урум“—грекам.

Ислам с большим „опозданием“ проник в такие глухие ущелья среднего Кавказа, как Карачай, Балкария и Дигория—в середине XVIII столетия; до этого здесь царило язычество: до недавнего времени в Карачае существовала близ Хурзука священная сосна под названием „Чангыз-терек“, а в Балкарии—дерево „Раубази“, которое срубил отец балкарского старого партийца тов. Энеева Магомед, каковой факт тов. Троцкий в своей речи в г. Нальчике особо подчеркивает (22 сентября 1924 г.).

Глубина влияния ислама. Глубина корней, которые ислаимзм пустил на Кавказе, соответствует относительной древности этих эпох; в восточной половине горцев (Дагестан, Чечня, Ингушетия) он пустил глубокие корни и свил себе относительно прочное гнездо; на этой почве и развился мюридизм. Только на почве мюридизма Шамиль и сумел об'единить в компактную, с поразительной силой сопротивляемости, массу разноплеменный и разноязычный Дагестан, Чечню, Ингушию и даже отдаленных Абадзехов (Магомед Амин). Газават и зеленое знамя пророка в руках замечательной волевой, глубоко проникнутой религиозным пылом, личности имама Дагестана и Чечни в западной группе горцев относительно действовали меньше. В Карачае, Балкарии, Дигории—осталась смесь ислама с язычеством; от язычества и поныне осталось у этих народностей поклонение священным рощам („Раубази“ в Балкарии, „Чангыз—Терек“, в Карачае и др.), жертвоприношение „курмаллык“ и

разные языческие празднества—Наруз-байрам—игра при первом дожде весною и др. Большая же часть осетин осталась незатронутой, как бы для арены действия русских миссионеров, которые, платя прозелитам по полтиннику, заманивали к церкви божией языческих до того осетин.

Тлетворное влияние ислама.

В исламе, как в самой молодой из всех религий земного шара, больше чем в какой либо другой, имеется наличие гражданско-политических элементов ¹⁾, допустимость гражданского брака, отрицание частной собственности на землю, воды и леса... запрещение употребления спиртных напитков, людоедства... установление детально разработанной прогрессивно-налоговой системы—натуральной и финансовой („ушр, зекат“ в своем первоначальном виде равенство всех правоверных, без различия племени, расы и т. д.). В течение тысячелетий при условиях неимоверного количества мулл и мюридов, ислам крепко всосался в организм отсталых горцев. Характерно в этом отношении следующее замечание: „Исламизм проник местами (в особенности в Дагестане, Чечне и Ингушии) во все общественные поры и совершенно вытеснил народность, как известковый раствор вытесняет мало-по-малу все вещество древесной раковины, облекаясь в ее форму; он овладел человеком и окаменил его в однажды данной форме, не оставляя

¹⁾ Магометанское юридическое учение (фикх) подвергалось воздействию со стороны господствовавшего в христианско-сирийских школах римского права.

никакого места ни общественному, ни личному развитию“.

Фатализм ислама. Теократическое учение ислама с его фатализмом — предписанием правоверным придерживаться во всех вопросах буквы корана и безусловным отрицанием свободы воли, признанием полнейшей зависимости человека от божеского предопределения—„кадар“ в божественной книге „Лаухул—Махвуз“ и отрицанием всяких новизн ¹⁾ „Куллу-бидгатин харамун“,—исклечивало человеческую волю.

Мусульманское общество превратилось в „раят“, в стадо послушных и безответственных рабов.

Самое могучее орудие для управления умами культурно-отсталых, фанатичных масс—школа и печать находились как монопольное право в руках доморощенных шейхов и схоластиков мулл, которые в течение тысячелетий властвовали над умами масс.

Слой этот, довольно значительный, напр., в Дагестане шейхи, имамы, муллы, кадии, муталимы, алимы и др.—составляют около 4% всего населения, тогда как в России духовенство не составляет и одной десятой процента.

¹⁾ Характерен для мусульманского фанатизма следующий факт. Когда то в середине века турецкое правительство в целях охраны обязало жителей Стамбула—Константинополя ночью на улицу выходить с ручными фонарями. С тех пор это вошло в привычку обывателей и крепко засело, как священный обычай отцов. Когда после переворота в 1908 году улицы Стамбула были освещены газом и электричеством, „добрые люди“ еще долго продолжали ночью ходить по залитым светом улицам с отцовскими фонарями, не признавая новизн электрического света и газа.

Рассадники ислама-медресе. До сих пор, после четырех лет Советской власти (24 г.), говорит тов. Самурский, в Дагестане существует до 1500 мечетских школ ¹⁾ „медресе“, в которых обучаются до 45.000 детей, в то время как советских школ всего 183 с 13.000 учащихся.

Конечно, по этой иллюстрации нельзя судить о всех горцах, ибо в Карачаевском округе и Черкесской области на 120 советских школ (на 1926 г.) имеется только 5 мечетских, и те в большинстве в Черкесском округе.

Но основной кадр духовенства у всех мусульманских народов гораздо больше чем у других. В то время как у русских на один церковный приход приходится не менее 10-12 тысяч населения, у мусульман каждая мечеть приходится на 700—1000 душ, при чем в каждой из них числится не менее трех духовных лиц: мулла, его помощник и муэдзин (пономарь)...

Каждый мулла имел при мечети конфессиональную школу „мектеб“, являясь жрецом (испол-

¹⁾ Мало-по-малу у мусульманских кавказских горцев явилось множество духовных школ, которые у мусульман устраиваются так же легко, как баня и мельница. В этих школах учат исключительно арабскому языку, с исключительной целью читать и понимать коран.

Длинный ряд детских и юношеских годов проводят они в мусульманской школе—гнездилище мрачного изуверства, где по методу, придуманному с целью затормозить развитие умственных способностей, учатся на непонятном для них языке читать коран, упражняться в начертании непонятных для них письмен. Немногие, особенно даровитые, пройдя в продолжении двух десятилетий длинный ряд таких школ, образующих ученую лестницу, приобретают положительное знание арабского языка и арабской литературы. Много даровитости требуется на то, чтобы вынести какое-либо положительное знание из подобных школ. Такие даровитые лица, в свою очередь, являются воспитателями последующего поколения. (Барон Услар).

нение религиозных обрядов), преподавателем, администратором (выполняя обязанности по разделу наследства, регистрации актов гражданского состояния и др.) он даже был судьей (бракоразводные и наследственные дела), а при необходимости и „врачем“.

Самостоятельного политического влияния ислама в покоренных им странах не было.

Политическое влияние ислама.

„Мюридизм.“

Ислам в первоначальном виде проповедывал равенство всех правоверных без различия племени и расы. Бюрократические машины персов, сделавшихся главными работниками и руководителями во всех отраслях жизни халифата, в частности и на Кавказе, под мусульманской внешностью превратились в основной народный элемент. Посредством ислама впервые на Кавказе образовалось среди восточных горцев сословное разделение. Точно также ислам, распространяясь с крымского полуострова среди западных горцев (черкесов, адыгейцев и др.), имел первыми своими проводниками черкесскую аристократию, — и долгое время оставался не массовой религией, а религией аристократического слоя населения.

Мюридизм-суфизм (тассавоф), представляющий пантеистическую, близкую к индийскому буддизму и к греческому неоплатонизму, схему¹ возник более чем 100 лет после Магомеда.

Ислам в основном своем первоначальном виде решительно отвергал аскетизм-монашество („Ларуханиата вил ислам-хадис“) ¹⁾. Запрещение вина и

¹⁾ Т.-е. нет монашества в исламе хадис. Изречение Магомеда.

некоторых азартных игр имело целью развитие умеренности и серьезного отношения к общественным повинностям; многоженство (до 4-х жен) допускалось исламом.

Рождение мюридизма. Суфизм рожден (в 659 г.) хасаном Басрийским под руководством Овейса Корни под влиянием персидско-индийской пантеистической теософии. Запрещение пророком подвижничества и монашества — дервишества не могло остановить развитие суфизма, так как в коране оказалось так много пессимизма и страха перед грозным карающим богом, что аскетизм не мог быть убит этим запрещением.

Мюридизм на Кавказе. Мюридизм проник на Кавказ из Бухары в 1828 г. и первым творцом его является мулла Магомед, кадий Кюринский. В его сельской школе, в деревне Ясагларе¹⁾ и созрела мысль будущей борьбы, оттуда она была разнесена проповедью по Дагестану. Тысячелетие до того не имевший места среди горцев, под влиянием русского царского гнета, мюридизм свивает себе прочное убежище в сердцах возмущенных народов против гнета царизма и расправы царских генералов на Кавказе. И скоро знамя газавата, под видом войны за веру, поднял Кази-мулла, ученый кадий Кюринский, человек, обладавший в высшей степени качествами, увлекающими массы; о нем говорили: „сердце человека прилипало к его губам“. Он одним дыханием будил в душе бури, после того,

¹⁾ В Дагестане, Кюринского округа.

конечно, как над ними глумились царские генералы.

И после гибели Хамзат-бека, унаследовавшего знамя газавата, под ударами убийц, мстивших за кровь убитых аристократов, от Кази-муллы, погибшего на завале в Гимрах, на сцену является другой ученик муллы Магомеда-Шамиль.

Появление Шамяля

В этот-то период, как пишут официальные историки, и были вырезаны „лучшие люди“ в горах, Владетели, дворяне, где они были, наследственные старшины, люди уважаемых родов, или просто уважаемые лично до появления мюридизма, были вырезаны один за другим и в горах действительно устроилось на время совершенное равенство, потому что не осталось никого, кроме черных людей. За невесту, кто бы она ни была, дочь ли первого каиба или последнего пастуха, вено определено законом Шамяля неизменно— в 1 руб. (калым).

Население гор переродилось. Повелевая всем и всеми беспрекословно, мюридизм заменял скудость своих средств энергией диких гор, целые тысячелетия отвергавших всякое гражданское устройство, создал управление, общественную казну, провиантские магазины, пороховые заводы, артиллерию, крепости.

Мюридизм напрягал все силы, чтобы истребить местных правителей и высшее сословие, искоренить стародавние народные обычаи, заменяя их повсеместным владычеством шариата и духовенства.

Достигнув высшей власти и авторитета, Шамиль завязал сношения с беками, богачами, бывшими до того его идейными противниками и активными врагами, стал на них опираться, но они же его и предали в руки воинствующего царизма. Шамиль возглавлял собою стремления и борьбу Дагестана за свободу, за выход из кабалы самодержавного гнета. О борьбе Шамиля против царизма сочувственно отзывался Карл Маркс, который говорил: „храбрые черкесы снова нанесли русским несколько серьезных поражений. Народы, учитеесь от них на что способны люди, чтобы остаться свободными“.

Характерна в этом отношении многолетняя борьба между эмиссаром Шамиля среди западных горцев— Магомед-Амином, опиравшимся на черкесские массы и ведущим борьбу с черкесской знатью под видом шариата, и вдохновителями черкесской знати, во главе которых стоял Сафербей Зан, соблюдавшими „адыге-хабзе“ (черкесские адаты), в которых они видели основу своего влияния на массы.

Борьба шариата с адатами. Именно в эту эпоху и решался вопрос о шариате¹⁾ и адате²⁾, решался с оружием в руках: первый или второй будет владеть горцами. Идея демо-

¹⁾ Общественный закон всех мусульман—шариат, есть откровение: уничтожить или изменить его, значит отвергнуть слово божие.

²⁾ Собрание всех народных постановлений, передаваемых одним поколением другому изустно, по неимению письменности на черкесском языке, называется адатом.

А д а т не остается неподвижным. По естественному ходу вещей, с постепенным, хотя и медленным развитием народа, являются у него новые потребности и новые интересы, которыми усложняются взаимные отношения между людьми.

кратизма тогда при Наибе, Шамиле и Магомед Алаше неоднократно и надолго восторжествовала среди адыгейских племен, за исключением Кабарды.

Адат дает князьям такое высокое значение, что не только признает их неприкосновенность со стороны людей низших сословий, но даже не определяет и цены за их кровь, как бы не допуская и мысли о возможности посягательства на их жизнь.

„Партия аристократическая, слабая и потерявшая у черкесов (исключая кабардинцев), говорит Щербина из преданий русского командования на Кавказе, свое значение, не оставляет своего желания и надежды восстановить утраченные свои права. Несколько раз она обращалась к русскому командованию с просьбой помочь ей, обещая признать над собой власть русского правительства, но двусмысленное ее поведение, шаткость ее правил и трудность самого дела не позволяли русским принять участие в ее замыслах. Уличенная средним сословием в тайных переговорах с русскими, партия эта один раз была призвана на суд народного собрания и обложена большими пенями и после того уже не отваживалась составлять общий заговор“.

Среднее сословие, продолжая уничтожать остатки прав князей и дворян и видя опасность, угрожающую народной независимости от успехов русского оружия, замышляло соединить все племена в организованное политическое тело.

Мюридизм, проникнув к черкесам Северовосточного берега Черного моря, стремился до самого падения своего к утверждению у них владычества шариата и к устройству общества, на подобие того, которое устроил Шамиль в Дагестане. Но по сходству своему с адатом, шариат не мог одновременно с ним существовать в полной своей силе; черкесы же, как выше сказано, прибегали к шариатскому суду только в маловажных случаях, предпочитая ему свои народные установления, т. е. адат.

Таким образом, политическая система мюридизма состояла, собственно, в деспотизме духовного правителя и в развитии демократических задач в народе до уравниения прав всех сословий.

Борьба Сефер-Бей-Зан¹⁾ с Магометом Амином²⁾ была не что иное, как борьба адата с шариатом, из которых первый, оставаясь в прежних формах, не мог соединить общество в связанное и сильное политическое тело, а последний, организованный мюридизмом, предлагал обществу такие начала, которые могли придать ему единство, порядок и твердость. Все выгоды были на стороне шамильского течения и исход борьбы должен был обратиться на сторону единства и порядка, проводимых Шамилем.

¹⁾ Сафер-Бей-Зан предводитель Черкесской аристократии.

²⁾ Популярный эмиссар Шамиля среди западных горцев, опиравшийся на широкие массы в середине прошлого столетия, объединивший горных и плоскостных адыгов в стройное военно-политическое целое, особенно беспокоившее русских во время Крымской войны.

Арабская исламская культура. Сильная арабская культура, рожденная перед расцветом ислама, оказала народам Великой и Малой Азии великую услугу, в особенности в области земледования, истории, философии, медицины, физики, математики, в частности арифметики, геометрии и астрономии.

Арабская культура, в сущности исламская, начиная со времени халифа Харун-аль-Рашида (786—809), вызвавшего к жизни все, что было лучшего в греческом, сирийском и старо-персидском культурном наследстве, развивавшаяся до небывалого в средние века уровня, проникая в горы Кавказа, как бы окостенела и ничего подобного, что было в бассейне Тигра, мы не наблюдаем среди горцев Кавказа; этому причиной было схоластическое вырождение ислама; форма победила идею и остановила творчество.

Тысячелетнее царствование ислама в Дагестане и др. над умами оставило следы в виде комментариев (тевсир) к схолиям, в виде схоластических исследований по догматике и правоведению (фикси), в виде грамматических трудов, относящихся к древне-арабскому языку.

К числу эффектов культуры ислама следует отнести многоженство, эндогамию и уничтожение калыма в тех местностях, где ислам пустил свои глубокие корни и где шариат поборол адат.

Характерно в этом отношении отметить, что у горских народов Западного Кавказа, напр., у черкесов, кабардинцев, карачаевцев и у др., куда ислам проник значительно позже, чем к восточным горцам, адаты оказались сильнее шариата: там во

всей широте сохранилась система „калыма“, там всюду строго соблюдается закон экзогамии, т. е. брак вне рода; там многоженство было очень слабо развито.

А там, где шариат победил адат, ислам пустил глубокие корни, там мы видим влияние ислама в виде пережитка „эндогамии“, т. е. брака— брака только в пределах рода. Кроме того, там, в частности, в Дагестане, нет выкупной системы „калыма“ (калым у них 1 руб.) и многоженство развито больше.

Что оставил горцам царизм. Если ислам своим фанатическим дурманом и фатализмом овладевал всем человеком и делал его рабом в однажды данной форме, не оставлял места ни общественному, ни личному развитию, не противоречащему корану,—в течение тысячелетия, то царизм в течение около полувека своего „процветания“ над Кавказом, не только окаменил горца, но окончательно обескровил его и физически уничтожил, поставив его в „безвоздушное пространство“, как говорил Маркс; „ставя человека в безвоздушное пространство, вы отнимаете у него воздух, необходимый для дыхания, точно также поступаете вы, завладевая землей. Это все равно, что поставить его вне богатства, чтобы подчинить его жизнь вашему произволу“. (Стр. 797, примеч. I т.).

Инстинкт самозащиты вольного горца от царского гнета перебросил его в объятия мюридизма.

„Клич ярый, крик войны“ пронесся по горам Кавказа, как громовое эхо.

Не случайность, что мюридизм, до того не прививавшийся к горцам, дал сразу такой пышный расцвет и достиг его именно в период возникновения Кавказской войны. Прав поэтому русский историк Ковалевский, сказавший, „что торжество ислама среди горцев совпало с торжеством русского оружия на Кавказе“.

Многолетняя война горцев не была войной „мюридизма“ с неверными „ичтихад“ —газават, а была фактически войной с гяурами, не как с „неверующими“, а как „неверными“ своему слову. Тов. Троцкий, выступая на VI Съезде Советов, говорил, что Адлер (избранный до этого почетным председателем ВЦИК) нам изменил: он оказался „гяуром“, т. е. изменником. Подобно этому изменниками оказались царские генералы, так что борьба горцев с гяурами была борьбой с изменниками.

Характерно, в этом отношении, отметить завершение князя Воронцова в своем обращении в 1845 г. к горским народам:

„Религия Ваша, адат, земля Ваша, имения Ваши, а также все имущество, приобретенное трудами, будет неприкосновенною Вашею собственностью. Еще раз повторяю, что обещания мои есть священные и они как бы собственные слова великого государя, которые никогда не могут подлежать сомнению“.

Но тот-же Воронцов пишет одному сиятельству от 6 февраля 1854 г. . . .

„...Желал бы я знать мнение Ваше о лезгинах. Так как истребление их для спокойствия Грузии и около нее весьма желательно“...

и далее говорит: „о чеченцах также желательно было бы знать, как о роде весьма беспокойном для стороны Кавказской линии — не нужно и какой способ имеется об усмирении, или также истреблении их“.¹⁾

Разве это не „гяурство“?

Горские народы в борьбе с такими „гяурами“ за родную страну, за родные вольности не только были брошены в объятия мюридизма ислама, но они также оказались и в лагере пантюркизма.

Характерны в этом отношении Турецкое влия-
ние на горцев. приведенные ниже слова сына

Шамиля — Джемал-Эддина²⁾: „В пятницу 30-го сентября я запечатал письмо к турецкому султану. Очень хотелось приписать к нему несколько слов, что при следующем случае непременно и сделаю, чтобы он перестал морочить горцев. В мае Абдул Меджид (ту-

¹⁾ Письмо напечатано во II т. Актов Кавказ. Археографической Комиссии, на стр. 761 под № 1559.

²⁾ Известно, что Шамиль при штурме Ахульго вынужден был дать в „аманаты“ — заложники русскому командованию своего малолетнего сына Джемал-Эддина. Ребенок был отправлен в Петербург, получил воспитание в одном из кадетских корпусов и вышел офицером в один из кавалерийских полков. И только за несколько лет до пленения Шамиля был затребован Шамилем в обмен за плененное им семейство князя Чавчавадзе. Никакой другой выкуп не мог соблазнить Шамиля; он требовал сына или никого. Правительство вынуждено было пойти на эти требования и отпустить офицера русской армии к его отцу — в стан противника. Культурный человек, брошенный из высшего света петербургских салонов в глухие горы, в среду, которая не могла, да и не желала понимать его запросов — еще до конца войны зачах и умер. Не будем касаться трагической стороны этого трогательного эпизода; поэты и писатели с большим успехом могли бы использовать этот сюжет — мы затронем только переписку Джемал-Эддина со своим товарищем по полку и школе бароном Николаи в части, касающейся отношений Шамиля с Турцией (Восст. Чечни и Дагестана).

рецкий султан) прислал брату Кази-Магома знамя с изображением звезды под луной и вокруг сияние; луна со звездой и сияние белое, а остальная часть знамени светло-зеленая. Так как оно оказалось меньше здешних значков, то обшили с трех сторон широкой красной полосой. Медаль овальной формы около двух вершков длины и полутора ширины, серебряная, вызолоченная, на середине луна со звездой алмазной, также и ободочек с бантом. Сверх всего еще чин Паши. Отцу же (т. е. Шамилю) обещано, по взятии, Тифлиса— короля Закавказского“.

Подходящее слово для определения отношений Турции к горцам как нельзя лучше найдено самим Джемал-Элдином. „Я напишу султану Абдул-Меджиду“ говорит он, „чтобы он перестал морочить горцев“. Именно морочить. „Присылая разные лоскутки под видом знамен, скобяные изделия под видом орденов и чины пашей и королей, турецкое правительство вело политику в отношении горцев такую точно, как европейцы в отношении негритосов. Нитка бус, зонтик и цилиндр—вот наряд головы негритянского короля, пожалованный культурной Европой, за что он должен был вести под ярмо своих безмолвных подданных¹⁾).

У турецкого правительства не хватило и благородства даже для дачи приюта горцам—переселенцам в Турцию, которые с трепетом ехали туда, как в святые места, думая найти в единой Турции для себя новую родину. Пра-

¹⁾ Журнал „Красный Восток“, статья Тахагоди.

вительственный цинизм Турции доходил до того, что турки, вначале чуть ли не воззваниями поощряя переселение, думали использовать беглецов повидимому для своих военных целей, экспедиционных корпусов и проч., но, столкнувшись с лавиной беженцев—испугались и позорно обрekli на вымирание людей, которые умирали и готовы были умереть по одному знаку—за величие Турции“.

Вот одна из прокламаций о переселении турецкого комиссара Мухаммеда Насорета от 1 июня 1863 г.:

„Берите Ваши семейства и все необходимые вещи, потому что наше правительство заботится о постройке для вас домов и весь народ наш принимает в этом деятельное участие. Если тяжebные дела задержат Вас до весны, то по окончании их поспешите переселиться с таким же рвением, как предшественники Ваши“. („Русская старина“. 1882 г., стр. 176). Как приняли горцев в Турции—мы уже знаем и останавливаться на этом не будем.

Царизм не только старался обескровить горцев и физически уничтожить, но одновременно широко применял и свою любимую политику—отравления здоровых организмов горцев путем разжигания и культивирования межнациональной розни и кровной мести.

Политика русской администрации всячески толкала горцев в абречество и хаджречество—разбойничество.

Характерны в этом отношении приводимые

ниже несколько слов из прошения¹⁾ известного Зелимхана на имя Председателя Государственной Думы: „Я не родился абреком, не родился им также ни мой отец и брат и другие товарищи. Большинство из них избирают такую долю, вследствие несправедливого отношения властей, или под влиянием какой-нибудь обиды, или несчастного стечения обстоятельств... Из мирного жителя селения Хорачи (Чечня) я сделался, превратился в абрека Зелим-хана“ ..

Нельзя лучше в нескольких словах определить культуру русского царизма, оставленную в наследие горцам, как это сделал тов. Бухарин, говоря: Капитализм несет в колонии „цивилизацию“ вместе с библией, и с водкой сифилис. (Курсив наш. У. А.).

¹⁾ От 15 января 1909 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	<i>Стр.</i>
Введение	3— 6
О ступенях исторического развития горцев	7— 11
„Адыге-Хабзе“	12—
Отношение к Кабардинским князьям	13— 15
Чужеземное влияние на горцев	15— 16
Феодальные лестницы вассалитета	16— 18
„Кара-халк“— черный народ—основная масса населения и производительный класс горцев	19— 21
К истории образования феодальных лестниц	22— 23
Кабардинское влияние на остальных горцев.	
Кабардинский строй	23— 24
Начало крепостного права в Кабарде	24— 27
Внешняя работоторговля среди горцев, главным образом среди кабардинцев	27— 30
Сословная политика царизма в Кабарде. „Землеустрой- ство“ в Кабарде при царизме	31— 32
Царское правительство о правах высших сословий горцев	32— 37
Характерное сословное образование в	
Осетии	37— 38
Последствия кабардинского „культурного“ влияния.	
Обязанности феодалов перед тагаурами. Эмансипация .	38— 44
Балкарский строй вассалитета	44— 49
Частное землевладение в дореволюционное время в Балкарии	50— 51
Различия горских народов по языку и общественному строю	51— 54
Демократический строй Чечни и Ингушетии. Феодаль- ная Кабарда	55— 56
Сословный вопрос в Карачае	57— 90
Чужеземное влияние на горцев ислама, царизма и проч.	90—111

ИЗДАНИЯ

„СЕВКАВКНИГИ“ и КРАЙНАЦИЗДАТА.

В ПРОДАЖЕ:

1. УМАР АЛИЕВ. „Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском Крае“. Вместо предисловия речь т. Микояна. Иллюстрирован., стр. 128, цена 80 коп.
2. „Новый Букварь“ (карач., балкарск., ногайск. языках), на латинской основе графики, с иллюстр. Одобрен Государствен. Ученым Советом. Изд. 2-е, стр. 125, цена 1 р. 50 к.
3. „Задачник“ ч. 1, на латинской основе. Одобр. Государственным Ученым Советом. Авторизован. перевод Лапкова, стр. 125, цена 65 к.
4. „Кто чем живет“. Авторизованный перевод ДИК ШТЕЙНА с послесловием Г. В. Плеханова (карач. балкарск. яз.), стр. 50, цена 30 коп.

В ПЕЧАТИ:

1. У. АЛИЕВ. „Карачай“—очерк историко-этнографический, культурно-экономический Карачаевской Автономной Области. Составлен по программе Агитпропа ЦК ВКП(б), из серии Авт. Республик и Областей СССР „Северный Кавказ“, вып. I, с иллюстрац., около 10 печ. листов.
2. У. АЛИЕВ и Б. ГОРОДЕЦКИЙ. „Адыгя“ — такой же очерк по Адыг. Автономн. Области, из серии Автономных Республик и Областей СССР—„Северный Кавказ“, вып. II, с иллюстр., с предисловием т. Хакурати, Пред. Облисполкома АЧАО, около 10 печ. лист.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

1. У. АЛИЕВ и МАКАРЬЕВА. Материалы „Комсомольской политики“ для нац. деревни, составлен. по программе Крайкома ВЛКСМ, около 7 печ. лист.
2. У. АЛИЕВ. „Грамматика“ ч. 1 (карач.-балкарск. яз.), размер около 7 печ. листов.
3. У. АЛИЕВ и М. КАРКМАЗОВ. Полный русско-горский (карачаевский, балкарский, ногайский) словарь, около 15 печ. лист.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

г. Ростов н-Д., ул. Энгельса, № 98, „СЕВКАВКНИГА“ или
ул. Энгельса, № 57, КРАЙНАЦИЗДАТ.

Цена 45 коп.

И.Э.
К. 2442
Дубл.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ростов-Дон, ул. Ф. Энгельса № 90.
Москва, Волхонка, 6 пом. 3.